

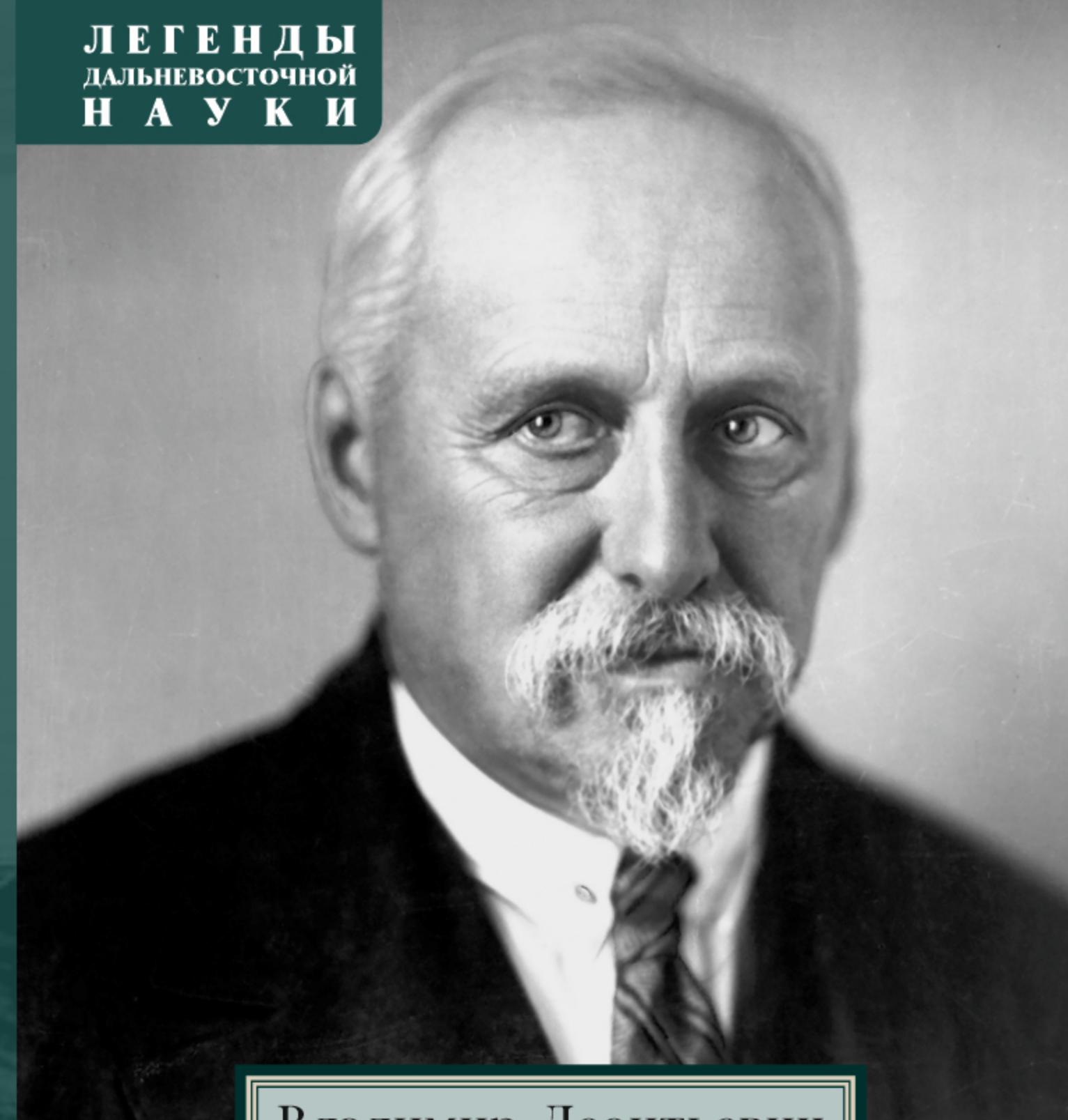

В.Л. Комаров во время экспедиции на Камчатке, 1908–1909 гг.

В честь Владимира Леонтьевича Комарова названы многие географические объекты:

- посёлок Комарово (до 1948 г. Келомякки) в Ленингр. области;
- улица Академика Комарова в посёлке Комарово (здесь находилась дача В.Л. Комарова);
- улица Академика Комарова в Москве;
- река Комаровка (до 1972 г. река Спутинка) в Приморском крае;
- пик Комарова на Баргузинском хребте;
- вулкан Комарова на Камчатке;
- ледник Комарова на Урале;
- ледник Комарова на Тянь-Шане.

Кроме того, именем Комарова названы несколько десятков видов растений, насекомых и других представителей живой природы.

Владимир Леонтьевич

КОМАРОВ

Ученый и президент

Российская академия наук
Дальневосточное отделение
Федеральный научный центр биоразнообразия
наземной биоты Восточной Азии ДВО РАН

===== Серия =====

Л Е Г Е Н Д Ы
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ
Н А У К И

=====

Академик РАН
В.В. Богатов

Владимир Леонтьевич
КОМАРОВ
Ученый и президент

Владивосток
ООО «Дальнаука»
2025

УДК 929:33
ББК 72.6:63.3(2)

Богатов В.В.

Владимир Леонтьевич Комаров. Ученый и президент. – Владивосток:
Дальнаука, 2025. – 82 с.

ISBN 978-5-8044-1755-1

Книга рассказывает о жизни, творчестве и научно-организационной деятельности выдающегося ученого-ботаника, путешественника, одного из организаторов Академии наук СССР, организатора и первого председателя Дальневосточного филиала АН СССР, академика Владимира Леонтьевича Комарова (1869–1945). Во многом благодаря ему на Востоке России появилась мощная научная база и свои научные кадры. На его долю выпала трудная судьба. Он стал президентом Академии наук СССР в самое тяжелое время истории Советского Союза – годы сталинских репрессий и Великой Отечественной войны. Под его руководством на рубеже 1930–1940-х годов были проведены крупные преобразования в Академии наук СССР, что позволило советским ученым в военный период интеллектуально превзойти научно-технический потенциал фашистской Германии.

Издано при финансовой поддержке ДВО РАН.

ISBN 978-5-8044-1755-1

© Богатов В.В., 2025
© ФНЦ Биоразнообразия ДВО РАН, 2025
© Дальневосточное отделение РАН, 2025
© ООО «Дальнаука», 2025

Владимир Леонтьевич Комаров (13.10.1869–05.12.1945)

Владимир Леонтьевич Комаров – выдающийся ученый-ботаник, вице-президент (1930–1936) и президент Академии наук СССР (1936–1945), а также первый председатель Дальневосточного филиала АН СССР (1932–1939), всей работой на ответственных постах в Академии наук показал себя выдающимся организатором науки, мудрым политиком и стратегом самого высшего класса.

В его судьбе отразились все основные противоречия истории нашей страны на рубеже XIX и XX-го веков. Выходец из древнейшего дворянского рода, он с воодушевлением встретил Октябрьскую Революцию 1917 года. Уже будучи академиком, Владимир Леонтьевич возглавил Академию наук СССР, вначале в качестве вице-президента (с 1930 г.), а затем и президента Академии (с 1936 г.). Несомненно, Комаров находился под жесточайшим прессом сталинской политической системы, но это не помешало ему создать новую Академию с широкой сетью филиалов и баз, и вместе с ней выиграть главное сражение эпохи, интеллектуально победив мощнейшую научно-техническую машину фашистской Германии.

Жизнь и деятельность Владимира Леонтьевича уже неоднократно получала отражение в многочисленных статьях и очерках, не говоря уже о том, что по распоряжению Академии наук СССР и лично вице-президента Академии наук, академика О.Ю. Шмидта в 1939 году под редакцией В.М. Гальперина (в редакционную коллегию вошли Б.К. Шишкин, А.И. Смирнов и В.А. Энгельгардт) было подготовлено юбилейное, подарочное издание «Президенту Академии наук СССР академику Владимиру Леонтьевичу Комарову к семидесятилетию со дня рождения и сорока пятилетию научной деятельности». В 1949 году Государственное издательство Географической литературы в рубрике «Русские путешественники» выпустило книгу Н.А. Гвоздецкого «Путешествия В.Л. Комарова». Кроме того, в 1951 году была составлена и издана официальная научная биография Комарова [Павлов, 1951].

Несомненно – Комаров был выдающейся личностью. Его действительно любили многие, его обожали студенты, участники совместных экспедиций, с особым пietetом к нему относились ученые-дальневосточники...

Тем не менее, по прошествии времени, облик этого видного ученого и человека стал терять свои очертания. В некоторых публикациях последних лет стало нарождаться мнение об якобы постоянном заигрывании Комарова перед советской властью, его неполной, а то и полной недееспособности в годы Великой Отечественной войны. Действительно, к началу нападения фашисткой Германии на СССР Комарову уже исполнилось 72 года, он был тяжело болен, причем в 1939 году Владимир Леонтьевич перенес инсульт. Мало кто верил в его способность эффективно управлять Академией в условиях военного времени. Но именно в этот период Владимир Леонтьевич проявил свои лучшие черты руководителя и стратега. Он принял на себя ответственность за перестройку работы Академии на военный лад. Под его руководством была сформирована так называемая оборонная комиссия по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны. Именно Комаровым на примере этой комиссии были разработаны методы и определены организационные формы связи науки с оборонной промышленностью, которые впоследствии использовались в районах Западной Сибири, Казахстана и Поволжья. Уже в начале 1942 года деятельность «Комиссии Комарова» была удостоена Сталинской премии первой степени, а в 1944 году Владимиру Леонтьевичу за выдающиеся научные достижения и важные заслуги в деле организации советских научных учреждений было присвоено звание Героя Социалистического Труда. В год 80-летия Великой Победы в Отечественной войне помнить об этом особенно важно.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ. ВЫБОР ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Владимир Леонтьевич Комаров соединил в своей судьбе две величайшие эпохи. Годы детства, юности и начала научной деятельности прошли в Российской Империи, а период профессионального становления, личностной зрелости пришелся на годы революций, гражданской войны и рождения нового государства – СССР. Так сложилась судьба крупного ученого и государственного деятеля. Период его президентства в АН СССР (1936–1945 гг.) пришелся на пик репрессий и Великую Отечественную войну.

Родился Владимир 1 [13] октября 1869 года в Санкт-Петербурге. Его отец принадлежал к старинному дворянскому роду Комаровых. Один из его предков Андрей Комаров в числе первых дворян был послан Петром I за границу учиться. Дед Владимира Леонтьевича подполковник Виссарион Саввич и двоюродный дед полковник Владимир Саввич Комаровы были героями Отечественной войны 1812 г. и участвовали во взятии Парижа в 1814 г.

Один из дядей В.Л. Комарова – Владимир Виссарионович Комаров пал смертью храбрых в бою под Севастополем во время кампании 1854 г. Отец Володи – Леонтий Виссарионович Комаров (1841–1871) также был кадровым военным. Он был штабс-капитаном и служил при Генеральном штабе.

Семья отца Комарова была многочисленной и состояла из 16 человек: трех сестер от первого брака и семи братьев и шести сестер от второго брака. Некоторые из близких родственников Л.В. Комарова по мужской линии были приближены к Императору Николаю Второму. Например, один из братьев Леонида Виссарионовича – Константин Виссарионович Комаров (1832–1912) был комендантом С.-Петербургской крепости, членом Военного Совета, имел высшие воинские звания генерал-адъютанта и генерала от инfanterии, а сын двоюродного брата Л.В. Комарова Владимир Александрович Комаров был командиром собственного Его Императорского Величества сводного пехотного полка в чине генерал-майора. Владимир Александрович оказался в первом списке заложников, взятых Петроградской ЧК после выхода постановления СНК РСФСР «О красном терроре» от 5 сентября 1918. Все заложники были расстреляны.

Владимиръ Виссарионовичъ
Комаровъ.

Владимир Виссарионович
Комаров (1829–1854) [<http://alexander-apel.narod.ru/komphoto.htm>]

Константин Виссарионович Комаров
(1832–1912). Портрет из журнала
«Разведчик» № 1159 от 15.01.1913
[<http://alexander-apel.narod.ru/komphoto.htm>]

На фото слева направо: Николай II с супругой Александрой Федоровной, флигель-адъютант С.С. Фабрицкий, А.А. Вырубова, генерал-майор В.А. Комаров. На прогулке в Ливадии. Осень 1911 г. Фото из альбома А.А. Вырубовой [<http://alexander-apel.narod.ru/komarovy.htm>]

Леонтий Виссарионович Комаров (1841–1871) – отец В.Л. Комарова
[\[http://alexander-apel.narod.ru/
 komphoto.htm\]](http://alexander-apel.narod.ru/komphoto.htm)

Елизавета Михайловна Комарова
 урожденная Линденбаум
 (во втором браке – Кухарская) –
 мать В.Л. Комарова [АРАН. Ф. 277.
 Оп. 6. Д. 60]

В 1868 году Леонтий Виссарионович Комаров женился на Елизавете Михайловне Линденбаум, происходящей из знаменитого дворянского рода. Отец его избранницы, Михаил Карлович Линденбаум, как и его дед, Виссарион Саввич Комаров, как, впрочем, и он сам – также состоял на службе в Военном министерстве при Главном штабе Его Императорского Величества. Их семьи имели общую платформу, объединяющую их глубинно в служении для процветания России, так как мужчины посвятили свою профессию и жизнь военной службе на благо Отчизны.

1 октября 1869 года (по старому стилю) в Эртельевом переулке Петербурга родился первый ребенок в семье Леонтия Виссарионовича и Елизаветы Михайловны, его назвали Владимиром, это было счастьем для молодых родителей, ребенок был рожден в любви. Семья была дружной, семейные связи свято хранились и почитались.

Однако семейное счастье было недолгим. Молодой штабс-капитан был отправлен в Среднюю Азию, где при штурме кокандской крепости Ура-тюбе получил тяжелое ранение, от которого в 1871 г. скончался, оставив молодую вдову и ребенка – полуторагодовалого Владимира. За отвагу, проявленную при взятии крепости Джузака, Леонтий Виссарионович был награжден почетной грамотой за подписью самого Императора, заверенной гербовой печатью, к которой прилагался наградной орден.

*Двоюродные братья и сестры
В.Л. Комарова – дети Виссариона
Виссарионовича Комарова и его
супруги Екатерины Григорьевны
Комаровой (урожденной Данилевской),
1873 г. [АРАН. Ф. 277. On. 6. Д. 2. Л. 2]*

*Володя Комаров в возрасте
5 лет, 1874 г. [АРАН. Ф. 277.
On. 6. Д. 3. Л. 1]*

Средства на воспитание Владимира стали поступать из Александровского комитета помощи раненым и больным воинам (стипендия два раза в год по 90 рублей). Овдовевшая мать вторично вышла замуж за железнодорожного служащего статского советника Павла Викеньевича Кухарского.

Отчим относился к Володе холодно. В 1882 году, когда Владимиру Комарову минуло 13 лет, умерла и Елизавета Михайловна. Мальчик переехал жить к родственникам по отцовской линии, родному брату отца и его жене, Виссариону Виссарионовичу и Екатерине Григорьевне Комаровым. Виссарион Виссарионович был ещё и крестным отцом Володи.

Очевидно, что в общении с дядей в основном и формировался характер и мировоззрение будущего ученого. Ведь Виссарион Виссарионович был не только военным – начальником штаба 37 пехотной дивизии, но и известным издателем. Еще в 1871 г. он основал консервативно-оппозиционную газету «Русский Мир». В 1876 г. Виссарион Виссарионович выехал в Сербию, где занял место

Володя Комаров в раннем детстве с двоюродной сестрой Олей, 1877 г.
Впоследствии Ольга Дмитриевна Форш (по мужу), стала известной писательницей, автором повестей «Одеты камнем», «Современники» и многих других [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 4]

Володя Комаров в 10 лет, 1879 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 2]

начальника штаба тимоко-моравской армии и был произведен в сербские генералы. Кроме того, он принимал участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В 1886–1891 гг. В.В. Комаров издавал журнал «Звезда», 1889–1891 гг. – «Славянские Известия», а в 1902–1907 гг. был издателем «Русского Вестника». В семье Виссариона Виссарионовича и Екатерины Григорьевны Комаровых Володя получил полное материальное обеспечение и его определили в Шестую гимназию Санкт-Петербурга.

Лето Владимир нередко проводил в имении Ровное-Михайловское, принадлежавшее деду по материнской линии, Михаилу Карловичу Линденбаум, которое располагалось в Ровенской волости Боровичского уезда Новгородской губернии. Многое о жизни Комаровых в имении удалось узнать из хранящегося в Боровичском музее дневника деда Владимира Леонтьевича Комарова, тайного советника Михаила Карловича Линденбаум, жившего в 1870–1890-х гг. в усадьбе. Он начал вести дневник во время своей службы в Оренбурге в 1865 году. Повседневные записи в нем перемежаются с воспоминаниями, по которым

можно проследить родословную, личную жизнь и послужной список автора. После отставки Михаил Карлович стал подыскивать имение в провинции, выбор пал на усадьбу Ровное-Михайловское, которую ее владелец, аптекарь Лютгенс, уступил за 9500 р. Почти все время Линденбаум проводил в усадьбе, и, как известно из «Дневника», выезжал в Петербург в декабре 1876 года и в конце января 1877 года. В один из тех приездов он встречался с братом мужа своей дочери Елизаветы – Виссарионом Виссарионовичем, а также с писателем Федором Михайловичем Достоевским. Вот что об этом написано в дневнике: «*Я был в Петербурге у Достоевского, чтобы познакомиться с этим замечательным писателем-беллетристом. Он ещё не стар (лет под пятьдесят), но болезненный вид имеет; много, говорит, выстрадал в течение своей жизни. Он принял меня очень любезно, но мне хотелось только видеть его и больше ничего*» [Линденбаум. Архив Боровического музея: <http://novgorodmuseum.ru/>].

В имении деда происходило много интересного и полезного для становления характера Володи, который впитывал все впечатления ближайшего окружения и семьи в целом. Дед рассказывал ему о своих поездках в Петербург, о встречах с интересными людьми, в частности о встрече с писателем Ф.М. Достоевским, что было примером вдумчивого отношения к жизни и серьезности выбора жизненного пути. Владимир Комаров именно в усадьбе деда Михаила Карловича самостоятельно увлекся изучением флоры Боровичского уезда, это детское увлечение определило в последующем его профессиональный выбор.

Дед был человеком образованным, круг общения включал писателей. Он рано потерял жену и заключил брак с молоденькой бонной своих детей, француженкой Антуанетой Эдуардовной, швейцарской подданной. «*У нее В.Л. Комаров с детства научился французскому языку, которым владел в совершенстве*» [Павлов, 1951, с. 6].

Владимир испытывал большой интерес к естественным наукам, которые, к сожалению, не преподавались в Шестой гимназии Санкт-Петербурга, но он самостоятельно совершал пешеходные экскурсии в имении деда в Боровичах и изучал бассейны рек Мсты, Ловати, Тигоды, легендарного озера Ильмень. Во время экскурсий он собирал растения, делал гербарии, определял виды растений, эти увлекательные исследовательские экспедиции он не прекращал и в студенческие годы, когда учился в университете.

Владимир Комаров учился в Императорском Санкт-Петербургском университете с 1890 по 1894 г., окончил его с дипломом первой степени.

Владимир Комаров при поступлении в Университет.
Фото из Архива ЦГИА

В.Л. Комаров на экскурсии в Боровичском уезде Новгородской губернии, 1888 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 3]

В.Л. Комаров – выпускник Санкт-Петербургского университета, окончивший его с дипломом 1-й степени, 1895 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 7]

Диплом члена Императорского Русского географического общества, 1895 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 4]

Ещё будучи студентом он по поручению Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей совершил две поездки в Туркестан, в Самаркандский округ, результатом чего явились три работы по малоисследованной флоре Зеравшанского бассейна, за одну из которых Комаров получил в Университете золотую медаль.

В одной из своих автобиографий Комаров писал: «Семидесятые годы прошлого столетия, когда развивалось мое первое детское сознание, были полны борьбой народников, а позднее народовольцев с царским правительством, и отклики этой борьбы в форме газетных заметок до сих пор остались в моей памяти, как героика той эпохи» [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 33. Л. 18].

<...>

Увлечение марксизмом в студенческие годы привело Комарова в круг лиц, занимавшихся революционной деятельностью. Владимир попал под негласный надзор полиции, которая передала выпускника университета под гласную опеку Судебной палаты, лишив его права свободного перемещения по стране. Из-за отсутствия Свидетельства о благонадежности остаться при университете было невозможно, и Комаров добился через Географическое общество, действительным членом которого он стал в 1895 году, разрешения на трехлетнюю экспедицию на Дальний Восток. Сам В.Л. Комаров об этих годах вспоминал следующим образом: «В классической школе (я окончил Шестую гимназию) совсем не было естественных наук, но тем не менее с 14 лет я всё более и более увлекался чтением книг по естествознанию, а если попадал за город, то и экскурсиями в природу, почему, несмотря на неодобрение субсидировавших меня родственников, и поступил на физмат нынешнего ЛГУ. На пороге университетской жизни я очень увлёкся дарвинизмом и даже перевёл весь том о происхождении видов. К сожалению, позднее, в минуту острой самокритики я рукопись сжёг и не могу теперь сравнить свой перевод с другими. В университете в первые два года я со всем увлечением отдался работе в кружках, где изучались труды К. Маркса, и в индивидуальном порядке остановился на Ф. Энгельсе, который поразил меня ясностью и последовательностью своего учения, совершенно затмил в моём сознании наших народников и даже Плеханова. По окончании университета я оказался под опекой судебной палаты и лишился права выезда. По плохому здоровью был освобождён от военной службы, и надо было искать постоянного заработка,

а между тем всюду требовалось пресловутое «свидетельство о благонадёжности», которого я как подследственный получить не мог. Да и сама служба не привлекала, и я через Географическое общество прикомандировался к изысканиям Амурской железной дороги. Около полугода пришлось потратить на хлопоты в департаменте полиции, чтобы получить разрешение на выезд в Амурскую и Приморскую области. Помогло то обстоятельство, что Амурская дорога считалась важным государственным делом, и желающих ехать в столь отдалённый край было немногого» [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 33. Л. 18, 19]. Тем не менее мы должны отметить, что в части утверждения о неблагонадежности Комарова существуют ряд неясностей. Так, Бялт и Бубырева [2014, с. 92] указывают, что «Согласно личному делу Комарова 31 марта 1994 г. им было подано прошение и получено удостоверение в благонадежности с замечанием “В.Л. Комаров ни в чем предосудительном в стенах оного (университета – авт.) замечен не был”». Авторы считают, что сведения о революционной деятельности Комарова во время учебы в Университете были преувеличены для оформления официальной биографии ученого в условиях Советской России.

Экспедиция в восточный регион оказалась немногочисленной – сам Комаров и два солдата-рабочих. Так начались трехлетние (1895–1897) исследования растительности Дальнего Востока, Маньчжурии и Кореи. Участие в этих экспедиционных поездках требовало от ее участников определенного мужества. Ведь к концу 1890-х годов в провинциях Китая, расположенных близ границ Российской Империи, образовалось множество тайных сообществ, так называемых «боксеров», одной из целей которых стало русское Приамурье, которое китайцы считали своим. К ноябрю 1897 года начались массовые столкновения повстанцев на севере Цинской империи с китайскими и иностранными войсками, достигшие пика во время Боксерского восстания 1898–1901 гг. Комаров удачно, без происшествий, провел полевые сезоны. Во время пребывания во Владивостоке он познакомился с Обществом изучения Амурского края. Впервые Владимир Леонтьевич выступил в Обществе в 1896 г. с сообщением «О Маньчжурской экспедиции 1896 г.». В конце следующего года (3 декабря 1897 г.) состоялось его сообщение «Об экспедиции в Маньчжурию через Мукден и Гирин».

Надо заметить, что в те времена переход на Дальний Восток представлял собой большие трудности. Достаточно сказать, что, например,

Владивосток в конце XIX века [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 87. Л. 12]

переезд Н.М. Пржевальского на Дальний Восток в 1867 г. продолжался несколько месяцев. В.Л. Комаров избрал морской путь.

В.Л. Комаров был пионером в освоении Дальневосточного края. Еще в 1996 году он издал брошюру «сельскохозяйственный вопрос в Амурской обрасти», в том же году «Условия дальнейшей колонизации Амура» и в дальнейшем неоднократно возвращался к этой

Владивосток в конце XIX века. В центре – Арка Цесаревича (Триумфальная арка), справа от Арки видно здание Общества изучения Амурского края (в лесах). Почтовая открытка

Торговые и пассажирские суда в 19-м веке. Фото с почтовой открытки

теме. Решалась она в те годы далеко неоднозначно. Позднее академик А.Е. Ферсман охарактеризовал эту ситуацию следующим образом: «*В то время господствовали идеи крупного тогда авторитета – академика Коржинского – об особенностях растительного покрова Амурской области и об отрицательном влиянии хозяйства на растительность этого края. В.Л. Комаров выступил горячо и решительно против этих идей, подчеркивая, что нельзя подходить к природе исключительно с естественно-исторической точки зрения, что человек оказывает на природу огромное влияние, что без экономического анализа нельзя оценивать практическое значение каких-либо территорий. Человек сам изменяет, углубляет и направляет природу – исчезают вредные насекомые и животные, жесткие травы сменяются мягкими луговыми, болота осушаются, человек овладевает местными условиями и сам приспосабливается к ним. Человек не хищник, который оставляет после себя лишь бурьян, нет – это организующая сила, овладевающая природой. В.Л. сам блестяще показал это в своих научных работах, в которых он развел идею о возможности широкого использования огромных территорий Дальнего Востока для сельского хозяйства. Все современное хозяйство Дальнего Востока показывает справедливость этих идей»* [Ферсман, 1939, с. 17].

Императорское Русское географическое общество за путешествие по Маньчжурии и Корее присудило Комарову в 1897 году одну из своих высших наград – Большую серебряную медаль имени Пржевальского.

Результаты экспедиций по южной части русского Дальнего Востока, Кореи и Маньчжурии легли в основу фундаментального научного сочинения Владимира Леонтьевича «Флора Маньчжурии» в трех томах, первый том которого в 1901 г. был опубликован [Комаров, 1901], а в 1902-м – защищен Комаровым в качестве магистерской диссертации. В этой публикации приведены сведения о 1682 видах растений, из которых 84 впервые описаны В.Л. Комаровым. В своём сочинении он не ограничился всесторонним описанием растений; он дал подробную ботанико-географическую характеристику исследованных территорий. За эту работу Академия наук присудила Комарову премию академика Карла Бэра, а Международная Академия ботанической географии во Франции наградила его медалью с рельефным изображением Турнефора и Линнея.

В 1898 году Комаров получил место консерватора в Санкт-Петербургском ботаническом саду, одновременно он стал преподавать несколько ботанических курсов и цикл практических занятий по анатомии и по систематике растений в Петербургском университете, а с 1899 г. – и общий курс ботаники на частных женских курсах одного из его любимых учителей и старшего друга профессора П.Ф. Лесгафта. В разнообразии читаемых курсов проявилось его блестящее педагогическое дарование. Читал он необыкновенно живо

Озеро Кусогол (Хубсугул) и горы восточного Саяна, Монголия.

Источник: [<https://photosight.ru/photos/6286011/>]

В.Л. Комаров со студентами и сотрудниками на экскурсиях, 1909 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 8. Л. 5]

и увлекательно, приводя богатейший иллюстрационный материал. После лекций его забрасывали вопросами, завязывались оживленные беседы и споры, во время которых расширялся научный кругозор слушателей и загорался интерес к самостоятельным творческим исследованиям [Павлов, 1951].

В мае 1902 г. Комаров, на общие средства и по совместному поручению Русского географического общества (РГО) и Ботанического сада, отправился в следующую экспедицию, на этот раз в Восточную Сибирь и Монголию для изучения флоры Восточных Саян, горы Мунку-сардык и оз. Косогол (Хубсугул). Интереснейшим результатом путешествия можно считать вывод ученого об очевидных признаках древнего оледенения в Восточных Саянах. А ведь до того считалось почти доказанным отсутствие следов ледникового периода в Сибири, о чем утверждал ее исследователь И.Д. Черский на основании теоретических доводов известного русского климатолога А.И. Воейкова. В результате огромной и кропотливой работы были написаны пять монографий о родах растений этих районов. Позже эти монографии Комаров объединил в книгу «Введение к флорам Китая и Монголии» [Комаров, 1908], которую представил в 1911 г. в Московский университет в качестве докторской диссертации.

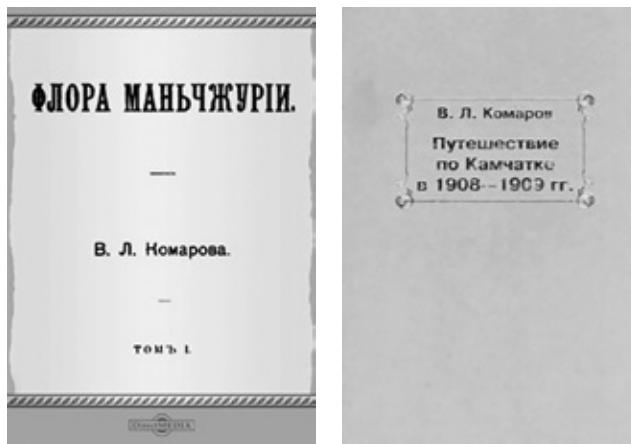

*В.Л. Комаров во время экспедиции на Камчатку, 1908–1909 гг.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 7. Л. 6]*

В 1906 г. объектами исследований ученого стали Онежское, Чудское и другие озера. В этом же году он работал в гербариях Лондона и Парижа, а в 1908–1909 гг. Комаров предпринял две важных экспедиции на Камчатку с целью изучения ее флоры. Результатом проведенных исследований стал классический труд «Путешествие

*В.Л. Комаров к концу экспедиции на Камчатку, 1909 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 7. Л. 1]*

Обложка 1-го тома книги В.Л. Комарова «Флора Маньчжурии»

по Камчатке в 1908–1909 годах» [Комаров, 1912] – настоящий кладезь всесторонних сведений о полуострове. Помимо описания растительного мира Камчатки, Комаров осуществил почти полную сельскохозяйственную перепись населения полуострова, установив следующие факты: коренного населения на тот момент было около 8 тыс. человек, настоящих камчадалов не было, язык практически не сохранился, единственными источниками выживания была рыбная ловля и охота. Перспективы развития этих мест ученый видел лишь за счет заселения новыми людьми уже существующих поселков и улучшения быта самих аборигенов.

Начало первой русской революции слушательницы курсов П.Ф. Лесгафта, где продолжал преподавать Комаров, встретили восторженно. Многие из них были участниками народного шествия к Зимнему дворцу, стали свидетелями расстрела мирных манифестантов. Несколько курсисток было убито и ранено. 9–10 января 1905 г. помещения курсов превратились в походный госпиталь. По инициативе Комарова туда доставлялись десятки раненых рабочих, женщин, детей. В этот же период Комаров организует объединение приватдоцентов, сыгравшее заметную роль в общественном подъеме страны.

Надо заметить, что несмотря на участие В.Л. Комарова в революционном движении усердие сотрудника Ботанического сада не осталось без внимания Императора Николая II, который в 1903 году пожаловал Владимиру Леонтьевичу орден Святого Станислава 3-й степени, в 1906 году – орден Святой Анны 3-й степени, в 1910 году – орден

Святого Станислава 2-й степени, в 1913 году – орден Святой Анны 2-й степени и светло-бронзовую медаль в память 300-летия Дома Романовых для ношения на груди, право на ношение особого нагрудного знака в память 200-летия Императорского Санкт-Петербургского Ботанического Сада, в 1916 г. – орден Святого Владимира 4-й степени. Кроме того, Высочайшим указом по гражданскому ведомству от 29 сентября 1914 г. № 67 В.Л. Комаров был произведен в Статские Советники со старшинством с 1 августа 1913 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 34]. Статский советник в России соответствовал должности вице-директора департамента, вице-губернатора, председателя казённой палаты и чинам бригадира армии и капитан-командора флота. Обращением к этому чину было «Ваше высокородие». Чин статского советника упразднён декретом Советской власти 10 (23) ноября 1917 г. об уничтожении сословий и чинов.

РАСЦВЕТ ТВОРЧЕСТВА

В 1913 г. В.Л. Комаров по поручению Переселенческого управления отправился в экспедицию по Южно-Уссурийскому краю, что имело большие последствия для его дальнейшей научной деятельности. Сам Комаров совершил обследование местности от Владивостока до озера Ханка, посетив при этом долины рек Супутинки, Майхе, Лефу, Даубихе, Сантажезы, Сучана и морское побережье вдоль тракта из Шкотова к устью Сучана. Помощники В.Л. Комарова в это же время исследовали другие районы, и экспедиция в целом охватила территорию, расположенную между хребтом Сихотэ-Алинь и Пограничным хребтом. В период этой поездки у Комарова произошла перестройка его флористических интересов. Если до 1913 г. его научные интересы и работы выходили за пределы России и через Северную Корею связывались с Китаем, то после этого года он отдает приоритет изучению российского Дальнего Востока.

В последующие годы В.Л. Комаров вел активную переписку с консерватором музея Общества изучения Амурского края Александром Ивановичем Черским, директором Гродековского музея Приамурского отдела Императорского Русского географического общества Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым и другими дальневосточными подвижниками. Наибольший интерес для нас представляет переписка с известным исследователем Дальнего Востока,

этнографом и писателем В.К. Арсеньевым. Владимир Клавдиевич 3 июня 1915 года писал Комарову: «Обращаюсь к Вам с большой покорнейшей просьбой: Не откажите выслать мне с наложенным платежом Ваши труды по флоре Приамурского края. Этим Вы окажете мне величайшую услугу. Вот уже 16 лет, как я занимаюсь исследованиями в Приамурье. Покончив с Уссурийским Краем, я хочу центр тяжести своих работ перенести за Амур в область озер к югу от реки Амгуни и к северу от нее до берегов Охотского моря... <...> ... Я только что закончил свой большой труд «По Уссурийскому Краю» – физико-географическое описание пройденных маршрутов, но не могу пустить в печать, пока не проредактирую все то, что касается растительности, вот почему Ваши капитальные труды для меня так желательно и теперь и в будущем надо иметь под рукою. Примите мои уверения в искреннем к Вам уважении. В. Арсеньев» [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 263. Л. 1, 2].

Вскоре, 11 октября 1915 года, Арсеньев сообщал Комарову: «... Я очень, очень благодарен Вам за книги, которые Вы хотите мне прислать. Это будет для меня весьма ценный подарок. Буду у Вас в большом долгу. Благодарю Вас за письмо – Оно написано в таком любезном и дружеском тоне, что невольно, как индуктивный ток, придает мне новый запас энергии и уверенности в работе. Я очень рад, что вошел с Вами в контакт, ибо приходится работать в крае, который обоим нам одинаково дорог. Уссурийский край – страна интересная во всех отношениях. К сожалению на месте так мало работников! От Владивостока до Камчатки и на запад до Забайкалья едва ли можно насчитать 7 человек. Нельзя сказать, чтобы в Приамурском крае не было образованных людей – их много, но карьерные соображения берут верх над долгом перед родиной, над наукой, даже над элементарными правилами товарищества, честности и т.п... <...> ... При таких условиях работать очень тяжело. Вот почему письмо Ваше так для меня приятно. – В нем я нашел поддержку. Буду работать! Примите мой искренний привет

Владимир Клавдиевич
Арсеньев

Первая страница рукописи

В.К. Арсеньева «Дерсу-Узала»

Из воспоминаний о путешествиях
по Уссурийскому краю. 1902–1906 гг.
[Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 18. Д. К1,
приложение]

и добрые пожелания. Преданный
Вам В. Арсеньев» [АРАН. Ф. 277.
Оп. 4. Д. 263. Л. 3, 4].

В 1916 году в Приморье произошло знаменательное событие – преподавателем математики и географии Никольск-Уссурийской женской гимназии Александром Зиновьевичем Федоровым (1886–1945) в Никольск-Уссурийском (ныне г. Уссурийск)

было создано Южно-Уссурийское отделение Русского географического общества. Александр Зиновьевич при открытии Отделения несомненно заручился поддержкой В.Л. Комарова.

<...>

В декабре 1914 г. по представлению академиков И.П. Бородина, А.С. Фамильцина, В.В. Заленского, И.П. Павлова и Н.В. Насонова Физико-математическое отделение Императорской академии наук избирает В.Л. Комарова членом-корреспондентом. Однако это мало отразилось на общественном положении Владимира Леонтьевича.

После Великой Октябрьской социалистической революции положение В.Л. Комарова начинает изменяться. В частности, в 1918 г. совет Ботанического сада избирает Комарова помощником директора по научной части и заведующим отделом живых растений, что в условиях гражданской войны представляло исключительные трудности: Петроград испытывал острый недостаток в продовольствии и топливе. Особая сложность заключалась в поддержании необходимой температуры в оранжереях с тропическими растениями.

В 1918 г. В.Л. Комаров был избран ученым секретарем Русского географического общества на место ушедшего Андрея Андreeевича Достоевского (племянник писателя Фёдора Михайловича

Достоевского – авт.). Президентом общества был в это время Юлий Михайлович Шокальский, с которым В.Л. Комарова связывала много-летняя и прочная дружба. Комаров пробыл ученым секретарем Географического общества до 1930 г. Кроме того, в 1918 году Владимир Леонтьевич был избран профессором университета и энергично принял за строительство самостоятельной кафедры.

В 1920 году В.Л. Комаров избирается действительным членом Российской академии наук. Здесь следует подчеркнуть, что этим выборам предшествовал опрос выдающихся ботаников всей страны, в результате которого кандидатура Комарова нашла общее признание.

< ... >

Важно отметить, что за два года до этого события – 5 сентября 1918 г., – при Южно-Уссурийском отделении РГО при поддержке В.Л. Комарова организовали Ботанический кабинет – первое на Дальнем Востоке стационарное научное учреждение. Удивительно, но организация Ботанического кабинета на Дальнем Востоке проходила в условиях интервенции и гражданской войны.

В официальной биографии Комарова, изданной Н.В. Павловым в 1951 г., утверждалось, что «*После своего избрания в Академию Наук В.Л. Комаров сразу же занял в ней совершенно особое положение. Первоклассный ученый, он в полном смысле слова с энтузиазмом относился к победе Великой Октябрьской социалистической революции. В высшей академической среде Владимир Леонтьевич сразу же выступил активным сторонником более демократических принципов организации Академии Наук, деятельным участником превращения ее, не по форме, а по существу, в подлинно советскую Академию Наук, не за страх, а за совесть отстаивающую великое дело победивших рабочих и крестьян. Одновременно, уже в стенах Академии, В.Л. Комаров начал новый цикл больших научных работ*» [Павлов, 1951, с. 196].

Судя по сохранившимся документам и переписке, Владимир Леонтьевич все 1920-е годы основное внимание уделял научно-педагогической деятельности в Ленинграде [Гельтман, 2020], а также организации научной работы на Дальнем Востоке [Кабанов, 1959; 1971]. При этом он не только поддерживал работу Ботанического кабинета в Никольск-Уссурийском, но и сам участвовал в его исследованиях. Например, в соавторстве с Е.Н. Алисовой В.Л. Комаровым в 1925 г. был издан Малый определитель растений Дальневосточного

края [1925, стр. I–VIII, 1–514, 2 рис. Владивосток, Изд. «Книжное дело»], предназначенный для широких кругов населения, а в 1931 г. – двухтомный, богато иллюстрированный определитель растений Дальневосточного края [Определитель растений Дальневосточного края. Изд. АН СССР, 1931, т. I, стр. 1–622, 187 рис., 1 цв. табл.; 1932, т. II, стр. 623–1175, 143 рис.]. Кроме того, В.Л. Комаров, как секретарь РГО, принимал участие в деятельности Общества изучения Амурского края (ОИАК). Об этом красноречиво свидетельствует письмо Арсеньева, посланное Комарову 31 марта 1923 года: «*В дополнение к моему предшествующему письму посыпаю Вам последний протокол Общего собрания, из которого Вы усмотрите какую позицию занял проф. Огородников и какой отпор дало ему Общество. Возможно, что в мае я приеду к Вам в Петербург. Поддержка из центра оказалась для нас как раз кстати и вовремя*» [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 263. Л. 14]. Высоко оценивая существенный вклад В.Л. Комарова в сохранение и развитие ОИАК, Общее собрание Общества 20 февраля 1927 г. избрало Владимира Леонтьевича своим почетным членом.

В 1926 г. Академия наук СССР, придавая большое значение развертыванию исследований на Тихом океане и в прилегающих районах СССР, направила В.Л. Комарова во главе большой группы ученых на III Тихоокеанский конгресс в Японию. 30 октября на открытии конгресса В.Л. Комаров среди других приветствий произнес на французском языке приветствие от Академии наук СССР и других советских научных учреждений. В заседаниях конгресса, происходивших с 1 по 11 ноября, члены советской делегации приняли самое деятельное участие. На одной из секций, на которой Владимир Леонтьевич был

избран председателем, он представил доклад «О границах распространения древесных пород в Тихоокеанской области». В период проведения заседаний российской делегацией была развернута выставка русских научных исследований Тихого океана за 200-летний период нашей исследовательской работы. Многое из представленного на выставке для иностранных ученых оказалось полным откровением.

На обратном пути Владимир Леонтьевич посетил Сеул, Харбин, Владивосток, Никольск-Уссурийский (ныне Уссурийск) и Хабаровск. Еще с дореволюционных времен Комаров всячески поддерживал местные отделения, добивался субсидирования их средствами, содействовал публикации и редактированию рукописей, направлял работу отделений, способствуя развитию науки на Дальнем Востоке. После Тихоокеанского конгресса Владимир Леонтьевич встретился с научной общественностью Приморского и Хабаровского краев, рассказал о важнейших результатах работы конгресса, посетил ботанические кабинеты, созданные в Дальневосточном университете, Приморском и Южно-Уссурийском отделениях РГО, в краевом музее в Хабаровске. В процессе этой поездки его идеи об усилении деятельности Академии наук на Тихом океане еще более укрепились. Уже на заседании Президиума АН СССР 27 апреля и на Общем собрании АН СССР 7 мая 1927 г. на основании сообщений Владимира Леонтьевича о конгрессе было принято решение о создании постоянного Тихоокеанского комитета АН СССР во главе с Комаровым, его также назначили постоянным представителем в Международную тихоокеанскую ассоциацию.

По возвращении В.Л. Комарова из Японии, Академия наук все чаще стала нагружать его исключительно ответственной работой. Так, в 1927 г. Владимир Леонтьевич был избран председателем постоянной комиссии по изучению Якутской АССР вместо академика Ф.Ю. Левинсон-Лессинга; в 1928 г. он стал председателем подобной же комиссии по изучению Байкала; в 1930 г., после смерти академика И.П. Бородина, его избрали академиком-секретарем Отделения физико-математических и естественных наук АН СССР [Павлов, 1951].

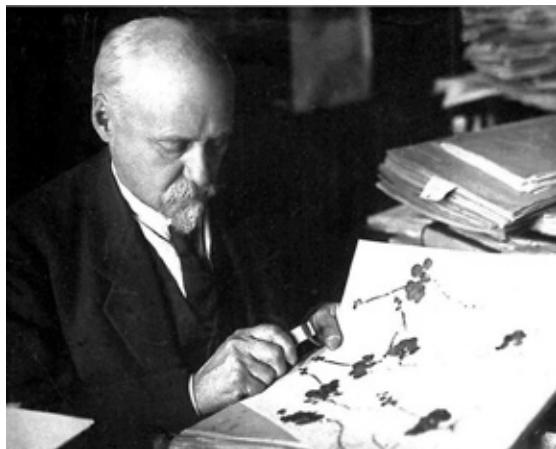
В 1929 году академик С.Ф. Ольденбург был отправлен в отставку с должности непременного секретаря. Общее собрание Академии наук обратилось с просьбой к В.Л. Комарову временно исполнять эти обязанности. В.Л. Комаров принял предложение, и с этого момента и началась его плодотворная деятельность по перестройке работы Академии наук на новых принципах.

На экскурсии во время Тихоокеанского конгресса в Токио.
В.Л. Комаров стоит 9-й слева. 1926 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 15]

В.Л. Комаров (в центре) с группой сотрудников Южно-Уссурийского отделения Государственного географического общества, 1926 г.
Слева от Комарова – Е.Н. Клобукова-Алисова, Е.А. Левченко, справа – А.З. Федоров. Во втором ряду – Т.П. Самойлов (в центре), Д.П. Воробьев (справа). Фото из: [Калинин, 2008]

*В.Л. Комаров в Гербарии Ботанического института, 1929 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 13]*

СОЗДАНИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФИЛИАЛА АН СССР (1932–1939 гг.)

Для скорейшей организации Дальневосточного отделения/филиала Общее собрание АН СССР 28 февраля 1932 года избрало его Президиум, председателем которого стал академик В.Л. Комаров. В состав Президиума вошли также: и. о. председателя Крайисполкома, он же – заместитель председателя президиума Григорий Максимович Крутов, опытный биолог Владимир Иванович Савич, авторитетнейший на Дальнем Востоке химик Борис Петрович Пентегов и известный металлург Иван Гаврилович Жуков. Включение в состав Президиума ДВО профессоров из Владивостока: В.И. Савича, Б.П. Пентегова и И.Г. Жукова, указывает на то, что к тому времени В.Л. Комаров уже определился с будущим местоположением Филиала во Владивостоке. Большую роль при этом сыграло наличие в приморском городе Дальневосточного государственного университета и многочисленных научных организаций, в том числе Дальневосточного краевого научно-исследовательского института, на базе которых в основном и был сформирован ДВФ АН СССР.

Надо отметить, что при формировании ДВФ было налажено тесное взаимодействие с Дальневосточным государственным университетом (ДВГУ): многие научные сотрудники ДВФ преподавали

в университете, руководили кафедрами; в университете готовилась значительная часть кадров для ДВФ, на университетских площадях временно разместились некоторые подразделения ДВФ. Весной 1932 г. был образован Совет Дальневосточного отделения АН (ДВФ), в состав которого, согласно Положению о Дальневосточном отделении, входили его Президиум и руководящие работники ДВО/ДВФ, директора крупнейших научных институтов и вузов, руководители хозяйственных и общественных организаций края. Совет ДВО/ДВФ АН был призван «возглавить планирование научно-исследовательской и экспедиционной работы в крае, рационально расставить научные силы и средства и связать их с актуальными проблемами» [Совет..., 1932, с. 99]. В течение 1932 г. было проведено 3 сессии Совета: 26 мая в помещении ДВО/ДВФ, 28 июня в Доме советов г. Хабаровска и 23–25 августа во Владивостоке. Третья сессия проходила под председательством академика В.Л. Комарова [Совет..., 1932].

Открывая третью сессию Совета ДВО/ДВФ В.Л. Комаров сказал: «Мы вступили на путь «распыления» Академии наук, на путь создания отделений Академии в разных местах Союза. Дело это еще молодое. Только два года тому назад была впервые сформулирована мысль о том, что Академии следует создать отделения на местах. Когда я сделал в Академии наук первый доклад о необходимости организации таких отделений, то если бы пустил это дело на голосование,

Здание инженерного управления Владивостокской крепости. В 1930-х годах здесь размещался Дальневосточный филиал Академии наук СССР. Фото В. Богатова, апрель 2020 г.

*Первые члены президиума ДВО/ДВФ АН СССР
(слева направо): В.И. Савич, Б.П. Пентегов, И.Г. Жуков*

я бы остался при очень маленьком числе сторонников; такова сила привычки... Какова роль отделений АН на данном этапе? Каждое отделение АН есть как бы копия Академии наук: оно объединяет научно-исследовательскую работу на территории своей деятельности и ведет ее» [Комаров, 1932, с. 14].

Определяя задачи создаваемого Отделения/Филиала, Комаров отмечал, что необходимо «объединить и согласовать в одном комплексном плане разрозненные ныне усилия отдельных научных учреждений, не образующих пока никакой определённой системы. Дать возможность краеплану ставить определённые задачи и получать на них ясный ответ, что позволит научно обосновать всю практическую работу по организации промышленности и сельского хозяйства, базируясь на местном сырье. Провести и оформить работу по выявлению и инвентаризации природных ресурсов края и провести работу, способствующую вовлечению малых народностей в индустриальную, общественную и политическую жизнь СССР».

Комаров от природы был прирожденным организатором. Взявшись лично за организацию ДВФ, Владимир Леонтьевич на его примере отрабатывал новые способы и методы ведения научной работы, пригодные для условий нарастающей научно-технической революции, которые он вскоре перенесет на всю Академию... Его «хватка» была воистину «комаровской». Судите сами, Дальневосточный филиал АН СССР реально начал формироваться в феврале 1932 г. с утверждения президиума, состоящего из 5 человек, и уже через месяц в Дальневосточном крае был образован Совет ДВФ, который по своему составу и некоторым задачам фактически представлял собой прообраз

будущих Оборонных комиссий, сыгравших ключевую роль во взаимосвязи науки и оборонной промышленности в период Великой Отечественной войны [Богатов, Урмина, 2020]. Уже к маю 1932 г. была разработана предварительная структура ДВО/ДВФ АН СССР, которая 27 мая обсуждалась на Президиуме АН СССР [Флехонтов, 1932]. В рамках данной структуры отделению кроме лабораторий бывшего Дальневосточного краевого НИИ передавались Ботанический сад, основанный Обществом изучения Амурского края, а также подразделения Южно-Уссурийского географического общества, в том числе опытно-исследовательский участок «Кривой Ключ». Одним из первых к реальной работе приступили отдел общей и физической химии (с 10 мая 1932 г.) и отдел органического синтеза (с июня 1932 г.), секторы Кабинета народов Дальневосточного края [Флехонтов, 1932].

1 июля 1932 г. была закончена работа по формированию библиотеки ДВО АН СССР [Библиотека, 1932].

На примере Филиала Комаровым была опробована одна из самых первых попыток разработки оперативных планов НИР. Несмотря на то, что сам Филиал должен был быть сформирован лишь к декабрю, производственный план поочередно создаваемых подразделений Дальневосточного отделения АН СССР на текущий 1932 год был разработан уже к июлю!

Этот документ к началу сентября был опубликован в виде отдельной брошюры на правах рукописи и охватывал период с августа по декабрь 1932 года [Производственный..., 1932; Хисамутдинов, 2017].

В то время большинство членов Академии не принимало идею Комарова, связанную с планированием научных исследований. Это было ново для академической науки и не так уж однозначно. Например, будущий лауреат Нобелевской премии, выдающийся отечественный физик академик Петр Леонидович Капица писал Комарову: «...методы планирования для научной работы должны быть совсем иными, чем те, которые применяются в других областях народного хозяйства...» [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 693. Л. 8] Заметим, что сам

Начало освоения горных склонов под сельскохозяйственные культуры с сохранением защитных лесных насаждений. Опытный участок Горнотаежной станции, 1933 г. Фотоархив ГТС

П.Л. Капица искал оптимальные пути и способы планирования в науке и в дальнейшем часто выступал на эту тему [Капица, 1981].

16 декабря 1932 года на заседании президиума Академии наук была утверждена окончательная структура ДВФ АН СССР (протокол заседания № 135). В его состав вошли: Биологический институт с секторами: а) ботаническим, б) флоры, б) почвоведения, г) микробиологии, д) экспериментальной зоологии, е) гидробиологии с пресноводной станцией на оз. Ханка; Химический институт с секторами: а) общей и физической химии, б) органической химии; Институт [техники] с лабораториями: а) технологии металла, б) стройматериалов, технологии древесины; Кабинет по изучению народов Дальневосточного края и сопредельных стран с секторами: а) китайским, б) корейским, в) туземных народов. В составе ДВФ также числились: библиотека, Комитет научной консультации и пропаганды, Комиссия экспедиционных исследований, фотолаборатория, сейсмологическая станция во Владивостоке, Биробиджанская горная станция на Хингане и Южно-уссурийская горнотаежная станция (с 1934 года – Горнотаежная станция) [АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1932. Д. 33. Л. 218 об. – 219].

В последующие годы структура Филиала часто корректировалась. Так, 18 декабря 1934 года Общим собранием АН СССР была

В.Л. Комаров с сотрудниками ДВФ, Владивосток, 21 сентября 1933 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 32. Л. 3]

утверждена новая структура ДВФ: Химический и Биологический институты, Кабинет по изучению народов Дальневосточного края и сопредельных стран, Комиссия экспедиционных исследований, Горнотаежная станция, Сейсмическая станция, библиотека и издательство. Кроме того, в 1934 году открылась Вулканологическая станция на Камчатке и Лаборатория морской гидробиологии во Владивостоке. В 1935 году в ведение филиала был также передан один из старейших заповедников страны – Кедровая Падь (создан в 1916 году). В этом же году был организован геологический сектор, а в 1937 году при Химическом институте – лаборатория для исследования растений, содержащих алкалоиды.

Филиалу вменялось в обязанность направлять аспирантов, «наиболее проявивших себя способными к дальнейшей научной работе, для получения окончательной квалификации в центральные учреждения АН». Филиалу также поручалось редактирование периодического издания «Вестник Дальневосточного филиала АН» и научно-популярных брошюр по естественно-историческому циклу. Признавалось желательным предоставление лучшим научным работникам ДВФ АН заграничных командировок. 19 декабря 1932 г. на очередном президиуме АН был утвержден совет Филиала в составе 27 человек. В него вошли академики В.М. Алексеев, А.А. Байков, В.Л. Комаров, В.Ф. Миткевич, Г.А. Надсон,

*Сутутинские лесные дачи Горнотаежной станции.
Фото Е. Любарского, июль 1933 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 94. Л. 3]*

В.А. Обручев, Н.Н. Павловский, С.Г. Струмилин, А.Е. Фаворский, члены-корреспонденты АН СССР Л.С. Берг, В.Г. Богораз-Тан, Н.М. Книпович, Н.А. Максимов, В.Е. Тищенко, М.А. Шателен.

Вот как о тех днях и встречах с Комаровым вспоминал Тит Петрович Самойлов (многолетний директор Горнотаежной

*Ботанико-энтомологическая экскурсия, 1933 г.
На переднем плане Т.П. Самойлов и Т.В. Самойлова,
позади Т.В. Самойловой – Г.Э. Куренцова*

станции): «...в 1931 году В.Л. Комаров занимался преимущественно организационными делами. Окончательно решался вопрос о создании Дальневосточной Горнотаежной станции и Дальневосточного филиала Академии наук СССР... Руководство заповедником, а также строительством на его западной границе служебных и жилых помещений Горнотаежной станции взял на себя ее директор А.З. Федоров... Ко дню приезда В.Л. Комарова в июле 1932 года, директор решил построить в заповеднике павильон «в китайском стиле» из ясеня, бархата, ореха, сирени, ильма, кедра, липы – всего из 25 древесных пород. Достраивался павильон уже во время пребывания Владимира Леонтьевича в заповеднике, и только последнюю ночь академик с женой жили в палатках на берегу реки близ строящегося павильона. Конечно, бытовую неустроенность сотрудников, а также тяжелые условия их труда не мог не видеть Владимир Леонтьевич... В заповеднике В.Л. Комаров провел научно-техническое совещание с сотрудниками станции. На нем очень остро обсуждался вопрос о ходе строительства, направлении дальнейших исследований и другие вопросы... Без особого восторга отзывался и о строящемся по случаю его приезда павильоне, указав при этом, что лучше бы за эти деньги выстроить дом для научной лаборатории...» [Самойлов, 1971, с. 24–26].

В.Л. Комаров и Н.В. Комарова на Горнотаежной станции, 1933 г.
Фотоархив ГТС

Организация Дальневосточного филиала оказалось более сложной задачей, чем представлялось ранее, особенно в первые месяцы его организации. В Архиве РАН имеется обширная, из 6 пунктов, докладная записка директора Горнотаежной станции А.З. Федорова, направленная Комарову в сентябре 1932 г. Приведем лишь первый пункт записи: «*Докладываю о крайне тяжелом положении Горнотаежной станции Академии Наук СССР: 1) Кредиты на содержание станции задерживаются как правило на несколько месяцев, а затем отпускаются в суммах, сниженных в несколько раз против утвержденной ДКИК (Дальневосточный краевой исполнительный комитет – авт.) сметы. На сентябрь задолженность ДКФУ (Дальневосточное краевое финансовое управление – авт.) по кредитам станции выражается в сумме до 75 000 руб. Зарплата научным сотрудникам и техническому персоналу задерживается по 2–3 месяца и в настоящее время не уплачена за два месяца. Каких-либо сумм на оперативную работу станция не получает и различные хозяйствственные расходы станция пытается покрывать за счет случайных источников и заимствований из строительных сумм. Никаких предупреждений или уведомлений о сокращении бюджета со стороны ДКФУ получено не было, а на все запросы станции никаких ответов не давалось и потому жизнь станции в бюджетном отношении идет вслепую...*» [РАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 8. Л. 1]. На следующий 1933 г. год, т. е. в первый год работы ДВФ, в своей речи на торжественном годовом собрании АН СССР академик В.А. Волгин отмечал: «*значительнее медленнее, с большими перебоями происходит рост Дальневосточного филиала. Здесь слабее и сеть учреждений, и кадры местных научных работников. Дальневосточный филиал требует больших капиталовложений и большего притока сил извне, из Ленинграда. Несмотря на удаленность Владивостока, мы направили туда ряд работников. Но их количество, конечно, далеко не соответствует потребности. Не подвигается должными темпами и организация материально-технической базы филиала. Наконец, при большом внимании, уделяемом филиалу его председателем акад. Комаровым, нам все же не удалось до сих пор обеспечить надлежащее руководство филиалом со стороны основного кадра работников Академии. Вокруг дела организации Дальневосточного филиала не сложилось пока такой группы, которая чувствовала себя прочно связанной с этим делом и ответственной за него. Между тем создание опорного пункта Академии в Дальневосточном крае – в крае еще далеко недостаточно изученном, представляющем и для*

геолога, и для биолога, и для обществоведа громадный интерес, – есть дело исключительного значения. Мы должны сообща с местными органами советской власти приложить все усилия к тому, чтобы разрешить эту задачу, преодолевая несомненно имеющиеся в этом деле большие трудности» [Иодко, 1988, с. 251–252].

Вопрос о работе и поддержке Горнотаежной станции рассматривался а Крайисполкоме в начале сентября 1933 года в период пребывания Комарова и сотрудников ДВФ АН СССР в Хабаровске. Владимир Леонтьевич большую роль в успешной работе станции отводил взаимодействию Федорова с Алисовой. В частности, оценивая положительно результаты проведенных с руководством Дальневосточного края консультаций, Владимир Леонтьевич писал Алисовой 11 сентября 1933 г.:

«Дорогая Евгения Николаевна!

Хабаровское наше пребывание очень затянулось, но все же довольно благополучно закончилось. Александр Зиновьевич [Федоров – авт.] имел большой успех, не знаю только довел ли он свои дела до конца. Во всяком случае Крутов [председатель Дальневосточного крайисполкома – авт.] явно его поддерживал со всем рвением.

Сделали две экскурсии на островах в устьях Уссури. Собрал несколько критических форм, но ничего нового.

Живем в гостинице все 7 человек (Федоров, Мейсель, Кустов, Бранке, Мохнач) причем нам с Над. Вик. уступили одну, а прочие 5 жили в другой, чай пили все вместе у нас.

Горнотаежная имеет все шансы на развитие и преуспеяние, если только Вы и Ал. Зин. найдете возможность и путь к некоему равновесию. Без Вас станция не даст научной работы.

Те рукописи, которые Вы мне доверили, будут печататься в Вестнике Филиала с пометкой Станции, худо не будет. Если бумажный кризис минует, перейдем на собственные труды.

Я все-таки убежден, что когда Вам станет невмоготу, то Вы не опустите руки, а вспомните о нас и придете спась душу к нам, а мы сделаем все возможное, что бы Вы смогли пережить трудный период.

Всего лучшего

С приветом

В. Комаров»

Письмо Комарова Алисовой от 11.09.1933 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 5. Л. 4–6]

*Павильон Комарова в Уссурийском (Супутинском) заповеднике.
Фото Е. Любарского, июль 1933 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 94. Л. 1]*

<...>

К сожалению, в 1936 г. местные власти с учетом сложностей с финансовым и материальным обеспечением деятельности Филиала стали склоняться к мысли о его закрытии, причем 2 сентября 1936 г. на заседании президиума АН СССР также был поставлен вопрос

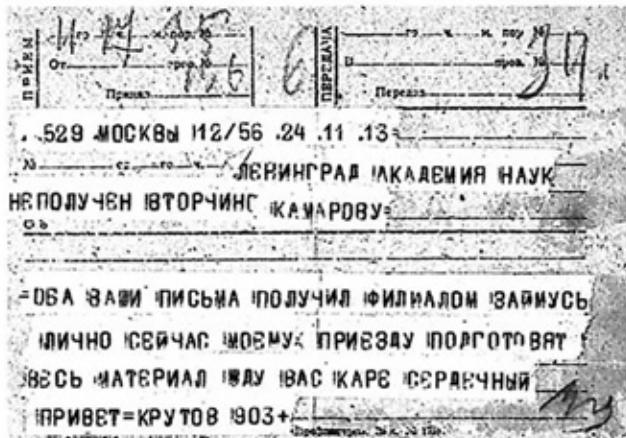

Комаров среди сотрудников заповедника «Кедровая падь», 1933 г.

о дальнейшем существовании ДВФ АН СССР. В.Л. Комаров был против этого шага, и только его авторитет спас Филиал в тот год от ликвидации. Из письма сотрудника ДВФ А.Т. Булдовского Комарову от 25.10.36 г. узнаем: «Вы вероятно уже знаете о предложении Краевых органов ДВК (Дальневосточного края – авт.) закрыть наш филиал. Это для нас такой удар, что пересказать трудно. Сколько лет работали не за страх, а за совесть, столько собрали ценнейшего материала, так оборудовали на средства Академии наши лаборатории – и все это пошло прахом. Не могу похвальиться хорошим настроением: жаль работы, жаль собранного материала. Мне его хочется, очень хочется доработать – много интересных данных получено, но сделать это в условиях ДВК вероятно не придется. Если Вы мне поможете закончить эту обработку я буду считать себя обязанным перед Вами на всю мою жизнь...» [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 361. Л. 1-2].

В тот период Владимир Леонтьевич активно переписывался с председателем Дальневосточного крайисполкома Крутовым, который видимо обещал Комарову поддержку Филиала, о чем косвенно свидетельствует сохранившаяся в Архиве РАН телеграмма.

Так получилось, что в 1935 году В.Л. Комаров в последний раз побывал в Приморье и на Горнотаежной станции. К его приезду вышел первый том Трудов станции, посвященный Владимиру Леонтьевичу в связи с 40-летием его научно-исследовательской деятельности

Телеграмма председателя Дальневосточного крайисполкома Крутова Комарову [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 820. Л. 1]

на Дальнем Востоке (1895–1935 гг.). В этом томе были подведены первые итоги деятельности Горнотаежной станции и освещены главным образом природные условия Супутинского заповедника и его окрестностей, а также некоторые вопросы, касающиеся непосредственного использования растительных ресурсов тайги. Т.П. Самойлов, вспоминая о последнем визите Комарова в Приморье, писал: «*Прием Владимира Леонтьевича состоялся на Кривом ключе, куда уже были переведены все лаборатории и научные сотрудники, а потому база в с. Кондратенково перестала существовать. В этот кратковременный приезд В.Л. Комаров ориентировал нас концентрировать исследования на разработке проблемы освоения горных склонов. Он отметил необходимость привлечения новых специалистов, не только биологов, физиологов, биохимиков, лесоводов, но и лиц с агрономическим образованием, что ускорит решение поставленной задачи*» [Самойлов, 1971, с. 28].

Надо отметить, что в первые год-два существования Филиала его руководители еще могли рассчитывать на получение поддержки местных партийных органов. Однако после арестов ведущих ученых Дальневосточного края, у партийных и советских властей усилилось недоверие к научным кадрам, в связи с чем стали нарастать сложности с финансовым и материальным обеспечением деятельности Филиала. В частности, Комиссия по базам АН СССР в своем письме в Комитет по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР от 7 августа 1933 года отмечала: «*В составе Дальневосточного филиала функционируют Химический институт, лаборатории: соляная и органического синтеза, Институт физики металлов, сектор геоботаники, сектор зоологии, микробиологическая лаборатория, кабинет народов ДВК и Южно-Уссурийская горно-таежная станция. Работа филиала протекает в чрезвычайно трудных условиях благодаря нерегулярному финансированию краевыми организациями, отсутствию помещений для институтов, жилплощади и планового снабжения для научных работников... Отсутствие планового снабжения... вызывает текучесть научного состава и, при отсутствии замены, срывает работу секторов и институтов*» [АРАН. Ф. 206. Оп. 1. Д. 17. Л. 3–7; Иодко, 1988, с. 231–232]. В 1934 году на одном из Президиумов АН СССР даже был поставлен вопрос о возможном переезде Филиала в Хабаровск «при условии предоставления филиалу соответствующего помещения». В этом же постановлении было принято решение «просить Крайисполком об отпуске средств

на строительство здания для филиала в Хабаровске в 1935 г.; просить краевые органы впредь до кардинального решения вопроса с размещением предоставить филиалу дополнительное помещение во Владивостоке» [Из постановлений президиума, 1934, столбец 84].

Непросто в Филиале складывались и взаимоотношения между сослуживцами, чьему способствовали мизерное финансирование, недостаток производственных площадей, оборудования, домашняя необустроенностя сотрудников и развернутые против них политические репрессии.

Во второй половине 1930-х годов нарастал конфликт между краевыми властями и руководством АН СССР, связанный с позицией местных властей, которые так и не увидели в науке реального помощника в экономическом развитии края. Например, в своих выводах Комиссия АН СССР, обследовавшая в октябре 1938 года Дальневосточный филиал АН СССР (ДВФАН) (г. Владивосток), кроме всего прочего, констатировала: «Учитывая огромное внимание и помочь, которую Советское правительство оказывает науке в СССР, Комиссия вынуждена отметить, что созданные врагами народа, сидевшими в руководстве области, убийственные условия для науки на Дальнем Востоке не только не способствуют ее развитию, но использовались врагами во враждебных целях как пример антисоветского отношения к советской науке и ученым» [АРАН. Ф. 409. Оп. 1 – ДВФАН. Д. 98. Л. 16]. Известна докладная записка президента АН СССР В.Л. Комарова «О положении дела по высшему образованию на Дальнем Востоке», направленная в ноябре 1938 г. в СНК СССР, в которой президент Академии прямо заявлял: «Враги народа нанесли тяжелый удар делу выращивания советских кадров, делу строительства социализма на ДВ... ...они даже пытались разложить и ликвидировать ДВ Филиал Академии Наук, но последнее им не удалось...» [АДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 193. Л. 12].

Аресты дальневосточных ученых начались уже в первый год работы Филиала. По обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации в 1933 г. были арестованы члены первого президиума ДВФ профессор Б.П. Пентегов (первый директор Института химии ДВФ АН) и профессор В.М. Савич (организатор и директор Дальневосточного краевого научно-исследовательского института, первый директор Института биологии ДВФ АН). Бориса Павловича и Владимира Михайловича осудили каждого на 10 лет [Ермакова и др., 1999; Хисамутдинова, 2012]. Впоследствии В.М. Савич благодаря

хлопотам Комарова был досрочно освобожден. С ноября 1945 г. он работал в Ташкентском сельхозинституте, возглавлял кафедру лесоводства [Приморский..., 1997]. Б.П. Пентегов скончался 7 августа 1953 г. в Магадане. Реабилитирован 13 мая 1957 г. определением Военного трибунала Ленинградского военного округа [Дударенок и др., 2009].

В 1937 году арестовали жену Савича Ирину Николаевну, талантливого генетика-селекционера, 4 ноября 1938 г. ее расстреляли как врага народа. [Жертвы политического террора в СССР. – <http://lists.memo.ru/index.htm>]. 11 декабря 1937 г. был арестован и И.Г. Жуков – член первого президиума ДВФ, заведующий сектором и ученый секретарь Дальневосточного научно-исследовательского института «Дальуголь», декан горного факультета Дальневосточного политехнического института. Жуков был расстрелян 13 марта 1938 г. На эти два года, 1937 и 1938, пришелся пик репрессий против ученых ДВФ и преподавателей ДВГУ. Только в один день, 25 апреля 1938 года, было расстреляно сразу 9 преподавателей ДВГУ и ученых ДВФ АН: декан восточного факультета В.А. Войлошников, научный сотрудник кафедры экономики Восточной Азии и ДВФ АН известный историк профессор К.А. Харнский, заведующий кафедрой японского языка Н.П. Овидиев, японист доцент К.П. Феклин, известный историк

Бывшее здание НКВД во Владивостоке. На верхних этажах находились камеры арестованных. Фото В. Богатова, апрель 2020 г.

и библиограф, бывший декан Восточного факультета и заведующий библиотекой ДВФ АН доцент З.Н. Матвеев, японовед Е.С. Нельгин, зав. сектором кабинета народов Дальневосточного края ДВФ АН и зав кабинетом востоковедения ДВГУ востоковед И.Т. Быков, китаевед А.П. Ещенко, заведующий кафедрой марксизма-ленинизма с сентября 1936 г. врио директора ДВГУ И.С. Менк.

В 1937 г. органы НКВД активно раскручивали дело № 17013 о контрреволюционной шпионско-вредительской организации, якобы действовавшей в Дальневосточном филиале Академии наук. По этому делу наряду с другими учеными филиала была арестована жена выдающегося исследователя Дальнего Востока В.К. Арсеньева – Маргарита Николаевна, которая в Филиале занималась обработкой рукописей мужа. Ее обвинили в контрреволюционной деятельности. Судилище длилось всего 10 минут. Маргариту Николаевну приговорили к расстрелу с конфискацией всего принадлежащего ей имущества [Хисамутдинов, 2005]. В 1937–1938 гг. к высшей мере наказания были приговорены геолог Б.В. Витгерт, гидробиолог А.Т. Булдовский, востоковед Ю.А. Онищенко, японовед П.С. Ануфриев, химик О.Б. Максимов (приговор был заменен на 8 лет исправительно-трудовых лагерей, освобожден досрочно). По расстрельной статье были осуждены бывший директор Дальрыбвтуза М.И. Чесноков, бывший директор Восточного института Д.М. Поздеев, бывший директор ДВГУ А.В. Пономарев, директор ДВПИ В.Л. Абрамович, его заместитель профессор И.Н. Тимофеев, один из организаторов Тихоокеанской научно-промышленной станции Е.Ф. Курнаев и другие сотрудники научных учреждений и вузов Владивостока. В 1937 г. был осужден на 15 лет учений секретарь ДВФ АН СССР, заведующий геоботаническим сектором Л.С. Порецкий (умер в тюремной больнице в 1942 г.).

К 1939 г. Дальневосточный филиал АН и Университет были буквально разгромлены. На химфаке университета, к примеру, одновремя работал единственный преподаватель–ассистент, который читал все курсы и вел все лабораторные работы. На восточном факультете к преподавательской работе приходилось привлекать студентов старших курсов восточного факультета Ленинградского университета [Ермакова и др., 1999]. К концу 1930-х годов в составе ДВФ АН фактически действовали лишь Институт химии и только что организованный Геологический институт, в сильно сокращенном виде функционировали научно-исследовательские сектора, лаборатории, кабинеты и станции.

*Сотрудники ДВФ АН СССР (слева направо):
Т.П. Самойлов, З.Н. Матвеев, М.А. Арсеньева*

Спасти Дальневосточный филиал Академии от предстоящего закрытия академик В.Л. Комаров так и не смог, несмотря на то, что в 1936 г. Владимир Леонтьевич был избран президентом АН СССР. Развернувшиеся в 1937–1938 гг. массовые репрессии против дальневосточных ученых сделали дальнейшую работу ДВФ АН невозможной, поскольку Филиал лишился наиболее квалифицированных кадров, включая ученых, сформировавшихся еще до революции, т. е. всю «старую интеллигенцию» [Васильева, 1997; 2002]. В редакционной статье последнего, 33-го выпуска журнала «Вестник Дальневосточного филиала АН СССР» за 1939 г. отмечалось: «*Враги народа, находившиеся у руководства края, ставили своей задачей сорвать промышленное и культурное освоение Дальнего Востока, сузить масштабы научно-исследовательской работы, направить ее по ложному пути. Многие богатые месторождения, имеющие большое промышленное значение, вредителями браковались с целью их скрытия, внимание промышленности приковывались к мало обещающим объектам. Зачастую работы разведочных групп умышленно затягивались и не делались практические выводы... Один из коренных вопросов, который встает перед нами в третьем пятилетии – это подготовка научных и технических кадров. В связи с этим встает вопрос о создании на Дальнем Востоке ряда новых высших учебных заведений, которые обеспечивали бы потребности Приморского и Хабаровского краев в инженерно-технических кадрах...*» [Промышленному..., 1939, с. 5].

Закрытие Филиала оказалось для его сотрудников достаточно неожиданным актом, поскольку многие верили в возможности Комарова защитить свое детище. 9 августа 1939 года деятельность Дальневосточного филиала была прекращена, по распоряженной позже

официальной версии: «в связи со сложной предвоенной международной обстановкой» [Еляков, 1999; Ермакова, 1999]. Из всех подразделений Филиала продолжала работу только Горнотаежная станция, в состав которой также входили заповедники «Кедровая падь» и «Супутинский» (ныне заповедник «Уссурийский» – авт.). ДВГУ был закрыт несколькими днями раньше, 1 августа 1939 г., причем преподавателей уволили с 1 июля [Ермакова и др., 1999].

Надо заметить, что почти за полтора месяца до закрытия ДВФ АН и ДВГУ вопрос о передаче их зданий другим организациям решался на заседании Бюро Крайкома партии – 16 июня 1939 года. На основании секретного решения ЦК партии и Совнаркома на этом заседании обсуждался вопрос о передаче здания Университета на Суханова, 8 Управлению НКВД в связи с закрытием университета, при этом в постановлении партии и правительства от 21 мая 1939 г. речь шла о передачи зданий в связи с ликвидацией университета и ни слова не говорилось о причинах его закрытия [Ермакова и др., 1999]. На основе принятых решений обширные и ценные коллекции и научное оборудование Филиала и Университета были вывезены в центр, многие научные сотрудники уехали с Дальнего Востока или

Здание ДВГУ во Владивостоке на Суханова, 8.
Фото В. Богатова, май 2020 г.

были переведены для работы в другие учреждения. Лишь в 1943 году, когда на фронтах войны произошел коренной перелом в пользу Советской Армии, во Владивостоке был открыт Педагогический институт, на базе которого в 1956 году был восстановлен Дальневосточный государственный университет, а Горнотаежная станция приобрела статус Дальневосточной базы АН СССР, которая в 1949 году была вновь преобразована в Дальневосточный филиал АН СССР.

Несмотря на все местнические, организационные и политические перипетии 1930-х годов организация Дальневосточного филиала Академии наук СССР явилась актом большого значения, открывшего возможность планомерного изучения Тихоокеанской России. В первые годы развития Филиала здесь работали лучшие представители научной интеллигенции края: известный ихтиолог профессор В.К. Солдатов, палеоботаник, впоследствии член-корреспондент АН СССР А.Н. Криштофович, электротехник, впоследствии член-корреспондент АН СССР В.Н. Вологдин, химик профессор В.А. Киреев и др. В этот период появились талантливые молодые исследователи, которые в будущем стали гордостью академической науки: ботаники Д.П. Воробьев и Н.С. Кабанов, лесовод Б.П. Колесников, энтомолог и зоогеограф А.И. Куренцов и др. За 7 лет существования Филиала было издано 3 тома Трудов ДВФ, 33 выпуска «Вестника ДВФ АН», 5 томов Трудов Горнотаежной станции. Геологами были открыты оловянно-свинцовые месторождения, на которых в будущем возникли крупнейшие предприятия горно-рудной промышленности страны. Сотрудниками ДВФ велись работы, связанные с изучением железных руд, угля, солей. Биологи и химики успешно решали многие проблемы сельскохозяйственного производства. Изучались растительные ресурсы: медоносные, лекарственные, кормовые растения Дальнего Востока, проводилась координация экспедиционных исследований в регионе [Еляков, 1999; Богатов, 2005; Сергиенко, 2007; 2010 и др.].

И тем не менее, Комарову все же удалось через несколько лет начать восстановление научных учреждений на Дальнем Востоке. Постановлением Президиума АН СССР от 11 ноября 1943 года в соответствии с решением Совнаркома СССР Дальневосточная Горнотаежная станция была реорганизована в Дальневосточную Базу им. академика В.Л. Комарова с местопребыванием в городе Ворошилове-Уссурийском (ныне – Уссурийск). Вслед за этим был восстановлен и Дальневосточный филиал АН.

В.Л. КОМАРОВ И АКАДЕМИЯ НАУК СССР В 1941–1944 гг.

На следующий день после начала войны, 23 июня 1941 года, состоялось внеочередное расширенное заседание Президиума АН СССР, на котором были приняты решения по пересмотру тематики и методов исследовательских работ научных учреждений. Академия наук перестраивалась в соответствии с потребностями фронта и тыла. К 1 июля 1941 года были определены и согласованы с государственными плановыми органами главные направления деятельности Академии, по которым и проводилась перестройка ее работы. Это: поиски и конструирование средств обороны; научная помощь промышленности в улучшении и освоении военного производства; мобилизация сырьевых ресурсов страны, замена дефицитных материалов местным сырьем. Буквально через три месяца, 2 октября 1941 года, было созвано расширенное заседание Президиума с участием директоров институтов АН СССР, в постановлении которого участники смогли уверенно констатировать, что «институтами Академии произведен пересмотр тематики своих работ применительно к нуждам обороны, а также усиlena их связь с производством». Указывалось на достигнутое «усиление связи институтов с промышленностью и налаживание связи с военными организациями» [Князев, Кольцов, 1964, с. 126].

В начальный период Великой Отечественной войны В.Л. Комаров адекватно оценивал всю трагичность ситуации, сложившуюся на фронтах страны, спрогнозировав дальнейшее развитие событий. Уже в июле Правительство приняло решение об эвакуации академических учреждений из Москвы и Ленинграда вглубь страны, причем президиум Академии и основная часть ее учреждений переводились в Казань.

Организация столь масштабной эвакуации была поручена вице-президенту Академии Отто Юльевичу Шмидту, а сам Комаров должен был отбыть вместе с другими престарелыми академиками на курорт в Боровое (Казахстан). Однако Владимир Леонтьевич решил остановиться в Свердловске, как потенциальной ключевой точке формирования нового мощного военно-промышленного центра. Временная утрата западных и южных промышленных предприятий определила курс на превращение востока страны в главную промышленную базу. В это время на Урал уже эвакуировалось большое число заводов,

местные заводы получали оборонные заказы, требовались дополнительные сырьевые, в особенности рудные и топливные ресурсы. По сведениям Е. Спицина [2018] в первые месяцы войны была проведена невиданная по масштабам эвакуация, когда в восточные регионы страны было вывезено не менее 2600 и введено в строй более 3500 крупных промышленных предприятий, прежде всего военно-промышленного назначения.

По поводу направления В.Л. Комарова в Боровое, в воспоминаниях С.Д. Носова (помощник управляющего делами АН СССР – авт.) имеется следующая запись: «*В 1941 г. ненавистные фашисты напали и вероломно вторглись на территорию нашей Родины. Владимир Леонтьевич тут же поставил вопрос, что Академия наук и ее институты должны дать для помощи нашей Красной Армии. Но через короткое время начали Академию наук эвакуировать в г. Казань, а детей, женщин и престарелых академиков эвакуировать в Боровое. В эвакуации Владимир Леонтьевич принимал посильное участие и беспокоился за судьбы институтов, с первой очередь он не поехал, хотя была возможность. Через некоторое время ему сказали, что ему нужно ехать в Боровое, он спросил, почему ехать в Боровое, что он будет там делать, ведь война, надо помогать Родине. Владимиру Леонтьевичу объяснили, что такое решение президиума, на котором [он] не был... ...Через несколько дней был организован отъезд Владимиру Леонтьевичу с Надеждой Викторовной и с ними поехала группа академиков, как все знали, они поехали в Боровое. Но через несколько дней мы узнали, что Владимир Леонтьевич с группой едущих академиков самостоятельно остановились в г. Свердловске, организовали комиссию по мобилизации природных ресурсов Урала на укрепление нашей Родины и приступили к работе. Это известие было получено в Москве и Казани и произвело впечатление, как гром без молнии. Пока в Москве и Казани высказывали разные догадки, почему эта группа не поехала в Боровое, а они уже начали заниматься вопросами мобилизации ресурсов не только Урала, а и Западной Сибири и Средней Азии...» [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 126. Л. 12,13].*

В этой связи В.Л. Комаров писал О.Ю. Шмидту 5 сентября 1941 г. из Свердловска: «... Ознакомившись с работами, которые ведет здесь Уральская экспедиция и наш филиал, я понял какие возможности открываются для нас при должностной организации этих работ. Сейчас уже ясно, что Урал с его промышленными и ископаемыми богатствами можно превратить в основную базу нашей

обороны. Необходимо только добиться, чтобы найденные богатства немедленно передавались в руки промышленности. Поэтому я созвал здесь, несколько дней тому назад, совещание с участием академиков, представителей наркоматов цветной и черной металлургии и областных партийных организаций, где мы сообща единодушно решили объединить силы ученых и работников промышленности для решения неотложных вопросов народного хозяйства Урала. В связи с этим я стал во главе работ комиссии по мобилизации естественных ресурсов Урала на нужды обороны на базе работ Уральской экспедиции. Об этом я счел необходимым, конечно, довести до сведения Вячеслава Михайловича Молотова. Думаю, что в этой области мои силы, опыт и знания еще могут принести пользу народу в годину тяжелых испытаний и борьбы с ненавистным врагом...» [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 206. Л. 6, 7].

Надо отметить, что В.Л. Комарову в начале войны уже было 72 года, а за два года до этого, 5 августа 1939 г., Владимир Леонтьевич перенес инсульт. Кроме того у Комарова в зимне-весенний период обычно обострялась мучительная хроническая болезнь – псориаз. В 1941 году Владимир Леонтьевич конечно отдавал себе отчет в проблемах, связанных со своим возрастом и здоровьем. Тем не менее, он обратился в Правительство с просьбой оставить его на Урале для организации работы по мобилизации природных ресурсов региона и получил на это разрешение. Безусловно это был его личный гражданский подвиг! Сложившееся в результате переезда Комарова в Свердловск пространственное разделение президиума и президента было на тот период вполне оправдано и рационально. Технически отменять ранее принятое решение о переводе президиума в Казань, город, который имел возможность принять основные силы Академии, не имело смысла. Здесь обосновались 33 института и около 2000 научных сотрудников, среди которых было 39 академиков и 44 члена-корреспондента АН СССР. Президент АН СССР В.Л. Комаров и группа из 58 академиков и членов-корреспондентов расположились в Свердловске.

Не занимаясь вопросами эвакуации основных сил АН СССР в Казань, Комаров смог в Свердловске при активной поддержке местных партийных и советских органов всю свою энергию направить на организацию совершенно новой структуры – Оборонной Комиссии, получившей название Комиссии по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны (с апреля 1942 года – Комиссия

по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана). В ее состав, помимо Комарова, входили академики А.А. Байков, И.П. Бардин, Э.В. Брицке, В.А. Обручев, А.А. Скочинский, С.Г. Струмилин и другие крупные ученые. Комарову в короткие сроки удалось создать и наладить удивительно эффективную и мобильную для военного времени форму и систему взаимодействия ученых, научно-исследовательских и образовательных учреждений с промышленным оборонным комплексом. Академиков довольно часто можно было видеть в цехах заводов и фабрик. К работе Комиссии было привлечено более 800 научных и технических сотрудников, было задействовано свыше 60 учреждений [Дорошев, 1943]. По свидетельству академика В.В. Костюка, «*по объему и сложности научных и практических задач и по количеству специалистов, участвовавших в их решении, наиболее масштабной оказалась работа Комиссии по мобилизации ресурсов Урала. Именно ею были разработаны методы и определены организационные формы, которые впоследствии использовались в районах Западной Сибири, Казахстана и Поволжья*» [Костюк, 2005, с. 981]. Комиссия была тесно связана с девятью наркоматами, и особенно Госпланом СССР, а также с руководящими органами Свердловской, Челябинской, Молотовской, Новосибирской, Карагандинской, Восточно-Казахстанской, Актюбинской и Гурьевской областей. Из ведомственных институтов в работе комиссии наиболее активно участвовали Уральский индустриальный, Уральский горный, Уральский лесотехнический [Сафонов, 2009].

Решение Комарова остаться в Свердловске было неожиданным не только для его коллег, но и супруги Владимира Леонтьевича. Н.В. Комарова так вспоминала об этих днях: «*Мы выехали с намерением ехать в Боровое, куда отправлялась значительная часть академиков и их семей. Доехали мы до Свердловска, где нужно было передохнуть, сделать отдых, а затем ехать дальше. Вл. Л. захотел осмотреть Уральский филиал, подробно ознакомиться с работой, а затем вдруг объявил мне, что мы дальше не поедем и останемся в Свердловске. Конечно я стала спрашивать его Почему? и Вл. Л. ответил мне, что он увидел, что здесь он еще может принести пользу, поработать для спасения нашей любимой родины, что у него созревают уже планы работы и если только правительство их одобрит – он приложит весь свой опыт и все свои очень уже подломленные силы, чтобы наладить эту работу. И вот созывает он собрание акад. работников и всей интеллигенции заводов и фабрик Свердловска*

и обратился к ним с горячим призывом объединиться в общей работе для борьбы с врагом. Так возникает «Комиссия по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны» кот., начав с Урала, распространяла свою деятельность дальше в Сибирь и Казахстан. Для этого понадобилась поездка Вл. Л. в Алма-Ату, где он постарался объединить все научные силы, имеющиеся там. Здесь его здоровье (а нужно сказать, что вообще Вл. Л. давно уже страдал неизлечимой болезнью кожи, кот. временами его сваливала совершенно и на долгое время в постель) настолько улучшилось, что Вл. Л. хотел обязательно быть на открытии в Киргизии филиала Ак. Наук...» [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 123. Л. 12, 13].

Несмотря на то, что В.Л. Комаров был болен, редко куда выезжал, этот, казалось бы, серьезный недостаток в конкретных условиях военного времени оказался, как ни странно, ощутимо удобным для окружающих. Дело в том, что даже когда у Комарова обострялась болезнь и он лежал в постели, до него легко было дозвониться или найти на месте в любое время и немедленно решить возникшие проблемы, что обеспечивало высокую эффективность по координации мероприятий на огромной территории. Большую помочь по уходу за больным в этот период оказывала его супруга Надежда Викторовна Комарова. Именно благодаря её постоянной заботе и уходу президент Академии был дееспособен даже в самые тяжелые моменты обострения болезни.

Итоговая работа Комиссии Комарова под названием «О развитии народного хозяйства Урала в условиях войны» 10 апреля 1942 г. была удостоена Сталинской премии первой степени. Результаты работы Комиссии показали целесообразность и эффективность деятельности Академии наук СССР в мобилизационном формате (т. е. при наделении мобилизационных полномочий) и получила полную поддержку Правительства. И не случайно, когда в мае 1942 года были назначены очередные выборы

Советский плакат времен Великой Отечественной войны. 1942 г. Карабенцов П. «Урал – фронту»

президента Академии наук СССР, Академия вновь избрала В.Л. Комарова своим президентом на второй срок.

В.Л. Комаров извлек определенные уроки по организации работы Академии в первые месяцы войны. Ведь число направлений исследований и ответственности Академии в военный период настолько возросло, что усложнило работу академическому руководству, состоящему всего из 3-х человек: самого президента и двух вице-президентов. Академия в этот период не имела даже своего непременного секретаря. Этую должность упразднили в 1938 году после ареста,

Информационное сообщение об Общем собрании АН СССР, газета «Красная Звезда» за 5 мая 1942 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 100. Л. 23]

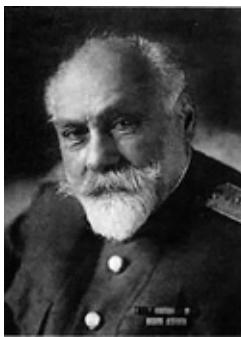
а затем и расстрела в качестве «врага народа» непременного секретаря АН СССР академика Николая Петровича Горбунова. Учитывая полученный на начальном этапе войны опыт, Комаров после своего повторного избрания пошел на смелый, но оправданный шаг: он предложил Сталину и Общему собранию Академии вместо 2-х, избрать 6 вице-президентов. Была также восстановлена должность непременного секретаря Академии, названная «академик-секретарь», а впоследствии – главный ученый секретарь. В докладе В.Л. Комарова о плане работ на 1942 г., представленном им Общему собранию, были поставлены задачи по развитию базовых отраслей промышленности, усовершенствованию технологии производства вооружений и при этом – продолжение фундаментальных исследований. Все предложения Комарова были одобрены членами Общего собрания единогласно. С этого дня каждый новый вице-президент Академии отвечал за определенное направление работ, что повысило их эффективность. Кроме того, решением Общего собрания президиум Академии был наконец-то переведен из Казани в Свердловск.

Созданные в 1941–1942 гг. по аналогии с «Комиссией Комарова» другие оборонные комиссии Академии наук, приняли на себя руководство практически всем оборонным научно-техническим комплексом СССР. Среди них: «Комиссия по мобилизации ресурсов Среднего Поволжья и Прикамья» под руководством академика Е.А. Чудакова, «Комиссия по восстановлению разрушенного хозяйства» под руководством академика А.А. Скочинского, «Комиссия по научно-техническим военно-морским вопросам» под руководством академика А.Ф. Иоффе и, на то время, д. т. н. И.В. Курчатова, «Военно-инженерная комиссия» также под руководством академика А.Ф. Иоффе, «Комиссия по геолого-географическому обслуживанию Красной Армии» под руководством академика А.Е. Ферсмана, «Военно-санитарная комиссия» под руководством академика Л.А. Орбелли. Кроме того, в различные периоды Великой Отечественной войны были созданы: Комиссия по редким металлам, Комиссия по противотанковым средствам, Комиссия по авиации, Комиссия аэросъемки и маскировки, Комиссия по мобилизации пищевых ресурсов на нужды обороны и др. В составе Комиссии по руководству строительством оборонительных сооружений в Ленинграде также работали многие крупные ученые...

В задачу оборонных комиссий входило, в первую очередь, создание и усовершенствование боевых технических средств Красной армии и Военно-морского флота, организация помощи промышленности

Академики Е.А. Чудаков, А.Ф. Иоффе, И.В. Курчатов

Академики А.Е. Ферсман, Л.А. Орбели, А.А. Скочинский

в налаживании массового производства новой оборонной техники, выработка технологических схем для расширения и ускорения выпуска продукции для победы, мобилизация ресурсов (металла, топлива, электроэнергии и др.) восточных районов СССР, восстановление западных и южных районов страны, идеологическая борьба против фашизма.

Работа комиссий позволила в кратчайшие сроки решить поставленные задачи, чему способствовал необыкновенный патриотический подъем, решимость советских ученых сделать для Победы все возможное и невозможное. Пример подобного патриотизма привел в своем выступлении на Общем собрании АН СССР 7 мая 1942 г. академик А.Ф. Иоффе: «Я не могу подробно рассказать о той поистине героической работе, которую ведут многие из научных работников в условиях войны, но я лично был свидетелем того, как целая группа сотрудников в течение трех недель не выходила из лаборатории, работая там день и ночь. Иногда, свалившись, люди спали тут же на столах, но за три недели закончили громадную работу

так, что она могла быть направлена на испытания. Я видел, как работали у нас в Казани при $40-45^{\circ}$ мороза на открытом воздухе с приборами, к которым прилипали руки, сдиралась кожа, но тем не менее ни один из сотрудников не отставал, а проводил работу до конца. Таковы методы и темпы работы советских физиков в условиях войны. Конечно, так работали не только физики. Эти факты характеризуют тот исключительный патриотический подъем, то глубокое сознание своего долга перед родиной, сознание громадной важности происходящей сейчас войны, которыми проникнута вся наша интеллигенция, весь наш народ» [Иоффе, 1942, № 5-6, с. 69].

Оборонные комиссии, как система взаимодействия науки и производства, не требовали дополнительного вмешательства руководства Академии и членов президиума в свою работу. В этом плане показательны выдержки из письма вице-президента А.Ф. Иоффе, которое он направил Комарову 2 августа 1943 г. из Казани в связи с проблемами, возникшими при реэвакуации институтов и учреждений Академии наук СССР в Москву: «Без Вас не налаживается работа Президиума: Александру Александровичу (Байкову) не удается сплотить его и даже вице-президентов; каждый из нас сам по себе, ведет свою линию... Правда, ряд институтов уже настолько связался с военными

Общее собрание АН СССР обсуждает вопросы мобилизации ресурсов Урала и Востока на нужды фронта, Свердловск, 1942 г.
[<http://history-referat.ru/book/ww2/295.php>]

учреждениями и военной тематикой, что успешно работает и без Президиума...» [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 668. Л. 8, 9].

7 ноября 1942 года страна праздновала 25-летнюю годовщину Великой Октябрьской Социалистической Революции. В Приказе Народного Комиссара Обороны И. Сталина от 7 ноября 1942 г. за № 345, посвященном этому событию, было констатировано: «...В начале этого года, в зимний период, Красная Армия нанесла немецко-фашистским войскам серьезные удары. Отбив атаку немцев на Москву, она взяла в свои руки инициативу, перешла в наступление и погнала на запад немецкие войска, освободив от немецкого рабства целый ряд областей нашей страны.

Красная Армия показала, таким образом, что при некоторых благоприятных условиях она может одолеть и немецко-фашистские войска.

Летом однако положение на фронте изменилось к худшему. Воспользовавшись отсутствием второго фронта в Европе, немцы и их союзники собрали все свои резервы под метелку, бросили их на наш украинский фронт и прорвали его. Ценой огромных потерь немецко-фашистским войскам удалось продвинуться на юге и поставить под угрозу Сталинград, Черноморское побережье, Грозный, подступы к Закавказью.

Правда, стойкость и мужество Красной Армии сорвали планы немцев по обходу Москвы с востока и удару с тыла на столицу нашей страны. Враг остановлен под Сталинградом. Но, остановленный под Сталинградом и уже положивший там десятки тысяч своих солдат и офицеров, враг бросает в бой новые дивизии, напрягая последние силы. Борьба на советско-германском фронте становится все более напряженной. От исхода этой борьбы зависит судьба Советского государства, свобода и независимость нашей Родины...» [Приказ..., 1942, с. 10].

На проходившей следом 15–18 ноября 1942 года в Свердловске Сессии Академии наук СССР, посвященной юбилею Октябрьской Революции, В.Л. Комаров в своей вступительной речи отмечал: «...Такой войны, какую мы ведем с фашистской Германией, цивилизованный мир еще не знал. Разве гитлеровские орды могут быть названы армией? Разве фашисты – это люди? Зверства, какие чинят они, убийства детей, женщин, стариков навеки покрыли позором Германию. Германия некогда была в числе просвещенных государств. Теперь она стала самой ненавистной и презираемой страной во всем

мире, символом бесчеловечной жестокости, низкого вероломства и зверской тирании. Если в начале XIX столетия Германию называли страной философов и поэтов, то теперь гитлеровская Германия по справедливости должна быть названа страной дикарей и людоедов.

Мы гордимся тем, что наша родина первая выстояла перед нацистским немцем и первая оказала героическое сопротивление тевтонским ордам. Мы гордимся славными героями Ленинграда и Москвы, Севастополя и Сталинграда, показавшими всему миру, как можно и должно бить немцев. Мы гордимся нашим любимым великим полководцем – товарищем Сталиным.

Я обращаю свой голос к зарубежным коллегам, людям науки Англии, Америки, к братьям по оружию: зовите к смелым, энергичным действиям. Пусть первые успехи на поле боя против германо-итальянского империализма послужат началом широкого действенного боевого сотрудничества наших стран. Мы верим в доблесть и умение великих народов Америки, Англии и всех свободолюбивых стран, борющихся против гитлеровской тирании. Мы верим, что недалек день нашего общего торжества – победы над гитлеризмом, врагом всего человечества...

...Наши ученые участвуют в создании новых видов и типов вооружения и боеприпасов, новых средств и методов спасения и сохранения жизни бойцов. В институтах Академии наук разработан ряд ценных предложений по укреплению мощи Военно-Морского Флота и противовоздушной защите городов. Около 50 важнейших оборонных работ наших ученых внедряются в производство и поступают на вооружение нашей доблестной Красной Армии...

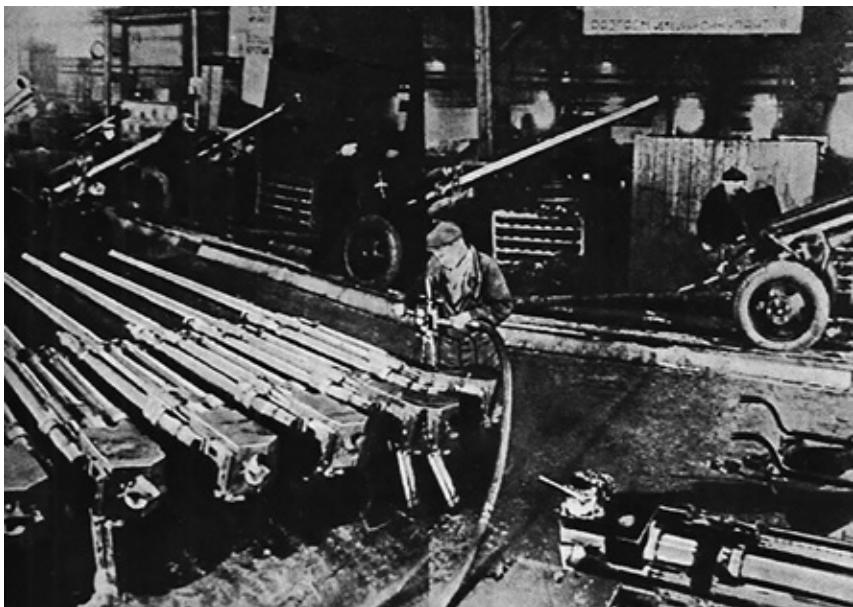
...Товарищи, недавно образована комиссия по подсчету убытков, которые нанесли нам фашисты. В ней принимают участие многие члены Академии Наук, которые призваны подсчитать этот кровавый итог. Пусть немцы платят за все, что они наделали. Они должны будут заплатить за все, что они у нас отняли, а они отняли многое – много жизней и многое имущество...

...Война требует от нас всех сил, всех наших знаний, и я призываю соратников по Академии наук удвоить усилия, работать еще энергичнее и самоотверженнее, сделать все для защиты нашего родного советского строя, для защиты тех замечательных достижений, которых мы добились в нашей стране за 25 лет под руководством партии и великих вождей Ленина и Сталина» [Комаров, 1942, с. 13–18].

Выступившие на Сессии члены Академии, лауреаты Сталинских премий, доложили собравшимся о важнейших работах оборонного значения, проведенных отделениями Академии в начальный период Великой Отечественной войны. Масштабы этих работ поражают своей грандиозностью и сегодня. Но особенно значимыми представляются работы ленинградских институтов, проведенные в условиях блокады города. В частности, вице-президент АН СССР академик А.А. Байков в своем выступлении выделил исключительно значимую работу Астрономического института АН СССР, сотрудники которого, оставшиеся в городе, проводили регулярную морскую и воздушную навигации астрономическими эфемеридами.

Большим достижением Института в этот период, по мнению Байкова, явилось издание большого «Астрономического Ежегодника», целиком основанного на собственных вычислениях. «Выпустив «Ежегодник» за 1941 г., коллектив Института в дни войны и в условиях осажденного Ленинграда подготовил издание 1942 г. и вел вычисления на 1943 год» [Байков, 1942, с. 112]. В своем выступлении вице-президент Академии наук особо отметил не только успешную, но поистине самоотверженную работу ленинградских институтов Академии наук в военное время. В частности, он заявил, что «Несмотря на все тяготы блокады, несмотря на продовольственные затруднения, обстрелы и бомбежки, ряд институтов Академии Наук в Ленинграде продолжал вести интенсивную научно-исследовательскую работу на оборонные нужды страны. Сюда относятся прежде всего Астрономический институт, подготовивший к печати большой астрономический ежегодник, военно-морской астрономический ежегодник и авиационный ежегодник на 1943–1944 гг.; Отделение Радиевого института, ведущее работу по изготавлению светящихся красок; Ботанический институт им. Комарова, развернувший большую научно-исследовательскую работу в области маскировки, а также в области расширения овощной базы Ленинграда» [Байков, 1942, с. 129].

В середине 1943 года началась реэвакуация Академии наук в Москву и подготовка к выборам новых членов Академии, в результате которых Академия наук СССР пополнилась 36 академиками и 58 членами-корреспондентами. С учетом оборонных задач, возложенных на Академию в военное время, участники сессии избрали большое количество представителей военно-прикладных специальностей. В результате этого, казалось бы, необычного для некоторых

На одном из артиллерийских заводов Урала, 1943 г.
[<http://historyculture.ru/book/ww2/319.php>]

Эти самолеты строились на средства трудящихся советского Приморья
[<http://historyculture.ru/book/ww2/319.php>]

Эшелоны идут на фронт, 1943 г.
[<http://history-referat.ru/book/ww2/295.php>]

членов Академии наук шага, перевооружение Красной Армии новыми видами вооружений получило дополнительный мощный импульс.

Выступая 25 сентября 1943 г. на открытии выборной сессии Академии наук, В.Л. Комаров выразил удовлетворение в том, что высказанная им на предыдущей сессии Академии, происходившей в городе Свердловске, около года тому назад, уверенность, что следующая сессия будет проходить в Москве, подтвердилась: «...мы сейчас в Москве, где собралась вся Академия в целом» [Комаров, 1943 б, с. 5]. Отдавая дань труженикам блокадного Ленинграда, В.Л. Комаров отметил: «С чувством величайшего благоговения потомство будет вспоминать бессмертный труд деятелей науки и искусства моей родины – Ленинграда – этой цитадели русской культуры, цитадели гордости и непреклонной воли нового советского человека» [Комаров, 1943 б, с. 6]. Говоря о предстоящих выборах, президент АН СССР отметил: «Созыв Общего собрания Академии наук СССР с выборами новых академиков, с постановкой ряда научных докладов в самый решающий период небывалой в истории человечества войны представляет собой факт совершенно исключительного значения. Он прежде всего является демонстрацией расцвета культуры на Советской земле в том период, когда на обширной территории Европы погасли огни в лабораториях, музеях и высших школах, когда лучшие люди науки и искусства влакают жалкое существование в мрачных фашистских казематах...

... *Нынешнее Общее собрание Академии Наук СССР, созванное в Москве, демонстрируя мощь и уверенность нашей страны в победе, является смотром советской науки, готовой отдать все свои достижения служению народу. Товарищи, будем достойны нашего геройского народа и его Красной Армии, отразившей натиск фашистских варваров и несущей им окончательную гибель; будем достойны наших предшественников – великих русских ученых, завещавших нам служение народу, истине и прогрессу до последней минуты жизни. Будем работать так, чтобы потомство с чувством благоговения произносило имена ученых – современников Великой отечественной войны Советского Союза против мрачных сил фашизма...»* [Комаров, 1943 б, с. 7–8].

Сразу после реэвакуации Академии наук в Москву, В.Л. Комаров включился в организацию работы по восстановлению разрушенного войной хозяйства. Начиная с этого периода, страна стала приумножать сеть научных институтов и число ученых. В 1943 г. были организованы (Атомная) Лаборатория «2», Институт кристаллографии, учреждены Западно-Сибирский и Киргизский филиалы АН СССР, Академия педагогических наук РСФСР. В этом же году на базе дальневосточной Горно-таежной станции им. В.Л. Комарова была образована Дальневосточная база АН СССР взамен закрытого в 1939 г. Дальневосточного филиала АН СССР, а на базе Армянского и Узбекского филиалов АН СССР были основаны академии наук Армянской и Узбекской ССР. В 1944 г. в Советском Союзе была образована крупнейшая в мире Академия медицинских наук СССР.

11 января 1944 года руководство Академии доложило Молотову о завершении реэвакуации московских учреждений АН СССР. В письме за подписями Комарова и Бруевича сообщалось, что в Москву переведено 61 учреждение Академии наук, в том числе 40 институтов и отдельных лабораторий, перевезено 3109 сотрудников учреждений, 5809 членов их семей, 3731 тонн грузов (научное оборудование, материалы, инвентарь, а так же личные вещи сотрудников) [ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 46 а. Д. 6003. Л. 4].

За время войны, особенно после реэвакуации, Академия наук СССР провела серию научных конференций и торжественных собраний, посвященных памяти великих ученых и другим юбилейным датам в истории мировой и отечественной культуры и науки, отметив 100-летие со дня рождения К.А. Тимирязева, 150-летие со дня рождения Н.И. Лобачевского, 50-летие со дня смерти П.Л. Чебышева,

250-летие со дня рождения Ф. Вольтера, 75-летие со дня смерти А.И. Герцена и др.

В январские дни 1943 года, когда шла битва на Волге, Академия наук СССР отметила 300-летие со дня рождения Исаака Ньютона. С вступительной речью на торжественном заседании выступил президент АН СССР В.Л. Комаров. В финале своего выступления Владимир Леонтьевич отметил: «*Знаменательная дата 300-летия со дня рождения Ньютона застала нас в момент напряженной борьбы со злейшим врагом культуры – гитлеровской Германией. Самоотверженная борьба нашего народа, руководимого величайшим гением нашего времени товарищем Сталиным, уже сорвала злостные планы Гитлера и скоро принесет свободу всему человечеству. В этой борьбе мы стоим в одних рядах с родиной Ньютона. Наша окончательная победа обеспечена союзом трех величайших демократий: Англии, Соединенных Штатов и Советского Союза. Нас объединяют общие идеалы свободы и культуры, одним; из лучших представителей которой был Ньютон*» [Комаров, 1943 а, с. 15].

В разных местах Советского Союза, где тогда находились отдельные учреждения Академии наук или группы сотрудников, прошли собрания с научными докладами, посвященными Ньютону. Даже в далеком Боровом в Северном Казахстане было устроено торжественное заседание, на котором выступали академики А.Н. Крылов и Л.И. Мандельштам. В 1943 году был издан сборник статей о Ньютоне, подготовленный Академией наук, а в январе 1944 года, в связи с 300-летием со дня рождения Ньютона, поверенный в делах Великобритании в Москве вручил Академии наук СССР подарок Королевского общества в Лондоне – первое издание 1687 года «Математических начал натуральной философии» и черновик письма Ньютона Александру Меншикову, первому русскому, избранному членом Королевского общества.

В начале 1944 года В.Л. Комаров, несмотря на новое обострение болезни, включился в разработку комплекса мероприятий по укреплению позиций отечественной астрономии. План первоочередных мер предполагал восстановление разрушенной Пулковской обсерватории, организацию Астрофизического комитета, интенсивное развитие астрономического приборостроения, обмен опытом с западными специалистами и другие направления деятельности [ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 46. Д. 3163. Л. 151, 154].

Летом 1944 г. Владимир Леонтьевич отправился в Закавказье, где филиалы Академии наук начали оформляться в самостоятельные национальные академии. Комаров посетил Азербайджанский филиал АН СССР в Баку и преобразованные из филиалов Академии наук Грузинской ССР в Тбилиси и Академию наук Армянской ССР в Ереване.

В октябре 1944 г. советская общественность тепло отметила 75-летний юбилей В.Л. Комарова. Президиум Верховного Совета СССР высоко оценил заслуги и деятельность президента Академии наук, присвоив ему звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и молот». Поздравлений было много. Вот, например, текст из поздравительного адреса сотрудников Института Кристаллографии: «*В свое время Вы были одним из первых, поддержавших правильную мысль о необходимости организации самостоятельной Лаборатории Кристаллографии. Ваш веский голос в этом вопросе оказался тогда решающим и предопределил, в значительной степени, дальнейшее развитие Лаборатории, которая с гордостью носит теперь имя Института...*» [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 82. Л. 2].

А это текст из адреса Отделения биологических наук АН СССР: «*... Отделение биологических наук, созданное Вами и в первые годы работавшее под непосредственным Вашим руководством, стало крупнейшей научной ассоциацией в Академии.*

Вы создали замечательную школу советских ботаников на базе Ленинградского университета и старейшего ботанического учреждения нашей страны – Ботанического Сада Академии наук, который бережно хранит собранные Вами драгоценные коллекции.

Выдающийся биолог, Вы не ограничили, однако, свою деятельность только областью биологии. Под Вашим руководством, как Президента Всесоюзной Академии наук, развернулась грандиозная работа во всех областях науки и техники, обеспечившая участие и помочь наших ученых как в мирном строительстве, так и в обороне СССР.

В годы Великой Отечественной войны Вы, гражданин и пламенный патриот нашей славной Родины, подняли и мобилизовали науку на непосредственное участие в борьбе с лютым врагом, грозившим самому существованию Советского Государства.

Мы убеждены, дорогой Владимир Леонтьевич, что еще много лет мы будем иметь счастье работать под Вашим вдохновляющим руководством. Желаем Вам здоровья, бодрости и сил в Вашей большой творческой работе» [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 88. Л. 2].

Выступление В.Л. Комарова на Общем собрании АН СССР
14 октября 1944 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 36. Л. 4]

Как видим, все довольно лаконично и без лишних восклицательных знаков. Конечно были и формальные восхваления. Однако, как до, так и после юбилея В.Л. Комаров не был похож на перехваленного чиновника. Слишком много было неотложных дел. При поддержке Комарова в Москве строился Физический институт АН СССР, под

Удостоверение Героя Социалистического Труда, принадлежащее
В.Л. Комарову [АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 28. Л. 3]

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин
вручает награду академику В.Л. Комарову
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 39. Л. 3]

Ленинградом восстанавливалась Пулковская обсерватория, разворачивалось строительство Ботанического сада в Москве. Под руководством Комарова готовилось научное обоснование проекта создания металлургической базы в северо-западном районе страны...

Академики Н.Н. Бурденко и В.Л. Комаров, писатель А.Н. Толстой, академик А.А. Богомолец (слева направо), 1944 г. [АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 3. Л. 41]

В дни празднования юбилея президента АН СССР осуществилась еще одна крайне злободневная гуманистическая идея В.Л. Комарова, о которой сегодня мало кто вспоминает, но о которой Владимир Леонтьевич периодически говорил с членами Правительства. Речь идет о необходимости устройства детского дома, в котором могли бы воспитываться дети погибших в период Великой Отечественной войны научных работников и сотрудников Академии наук и шефство над которым осуществлялась бы Академией. Мысль эта была реализована благодаря Постановлению СНК СССР от 14 октября 1944 г. «Об учреждении Детского Дома имени академика В.Л. Комарова в связи с его 75-летием». После определенной подготовительной работы такой Дом был открыт в Москве на Большой Пироговской улице осенью 1945 г. Не будет преувеличением сказать, что именно этот «подарок» от Правительства СССР был одним из наиболее значимых для семьи Комаровых.

ЭТО БЫЛО ЕГО ВРЕМЯ

13 ноября 1944 г. состоялась историческая встреча Комарова со Сталиным. В своей статье «Волнующая беседа» В.Л. Комаров писал: «Недавно мне выпало на долю большое счастье. Я беседовал с Иосифом Виссарионовичем Сталиным и получил от него руководящие указания относительно работы Академии Наук СССР» [Комаров, 1945 а, с. 6]. Основные указания вождя касались мобилизации ресурсов на нужды фронта и военной промышленности, восстановления народного хозяйства в районах, освобожденных от оккупации, вопросов энергетики с особым вниманием к моторному топливу. В части сырьевых ресурсов одна из самых важных задач Академии наук СССР, по мнению Сталина, заключалась в поисках новых рудных баз для ленинградской промышленности, а в области добычи и переработки нефти – поиск новых нефтеносных площадей, новых технологических методов переработки нефти и новых путей использования нефтепродуктов. Комаров познакомил Сталина с инициативным письмом академиков В.И. Вернадского и Н.Д. Зелинского о необходимости создания Института истории естествознания. Владимир Леонтьевич заметил: «В беседе со мной Иосиф Виссарионович выразил удивление по поводу отсутствия такого института в Академии Наук. Это чрезвычайно важное дело, – сказал товарищ Сталин. – Молодежь в особенности должна знать историю науки» [Комаров, 1945 а, с. 9]. В течение

встречи обсуждались также вопросы снабжения ученых иностранной литературой и лабораторным оборудованием, помощи республиканским академиям со стороны всесоюзных научных центров. Предварительно был решен вопрос и о праздновании в 1945 г. 220-летнего юбилея Академии наук, как праздника всей мировой науки, и Столетнего юбилея Географического общества, которому принадлежит громадная заслуга в изучении природы нашей Родины и других стран.

Уже 22 ноября 1944 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление об образовании Института истории естествознания и назначении Комарова его директором. Сразу же начались организационные заботы по получению помещения, подбору сотрудников, приобретению научной литературы и инвентаря. По замыслу Комарова деятельность Института должна быть связана с историей мирового и особенно русского естествознания, хранения и публикации научного наследства классиков русской науки...

Определяя задачи нового института, В.Л. Комаров писал: «Главная задача – разработка истории русской науки. Принцип сохранения энергии и атомизма, разрабатывавшийся Ломоносовым, вольтова дуга, открытая Петровым, неевклидова геометрия Лобачевского, теория химического строения Бутлерова, периодический закон Менделеева, линии Карпинского, радиотелеграф Попова, экспериментальное открытие светового давления, сделанное Лебедевым, мечниковская теория фагоцитов, сеченовские центры, эмбриологические открытия и палеонтологические работы братьев Ковалевских,

*Здание Института истории естествознания и техники
им. Н.И. Вавилова РАН [<http://ihst.ru/about/>]*

исследования Тимирязева в области физиологии растений, теория условных рефлексов Павлова, новые виды растений, созданные Мичуриным, конструкции Циолковского, теория физико-химического анализа Курнакова – все это и еще многое должно стать объектом тщательного исторического исследования.

Но действительная историческая роль русской науки может быть показана лишь на фоне широкой картины всеобщей истории естествознания. Наша страна, идущая в авангарде мировой цивилизации, защищающая рука об руку со своими союзниками свободу и прогресс человечества, должна обладать передовым центром изучения и популяризации мировой науки. Поэтому Институт истории естествознания в своих монографиях, периодических публикациях и сводных работах будет воссоздавать конкретный ход исторического развития естествознания в целом, изучать влияние русского естествознания на развитие мировой науки и преломление эволюции мирового естествознания в русских исследованиях» [Комаров, 1945 б, с. 31].

<...>

В рамках предварительной договоренности Комаров 20 декабря 1944 г. отправил Сталину письмо с обоснованием даты 220-летнего юбилея АН СССР. Известно, что в 1776, 1826 и 1876 гг. празднование производилось с опозданием на два года, а в 1925 – на год. Точная дата основания Петровской академии наук – 28 января 1724 г. – в очередной раз была не принята во внимание, поскольку еще шла война: 27 января была окончательно снята блокада Ленинграда и началась Ленинградско-Новгородская операция, в результате которой противник был отброшен на 220–280 километров от южных рубежей города. Кроме того, к январю 1944 г. только-только завершилась реэвакуация московских учреждений АН СССР, в эвакуации еще находились ленинградские учреждения: было явно не до организации празднеств на государственном уровне. Учитывая сказанное президент АН СССР в своих аргументах дату юбилея связывал не с юридическим актом основания, а с петровыми преобразованиями 1725 г., а именно – в мае Академии был передан дом, намеченный для этой цели Петром I, приехали в Россию первые академики, библиотека получила книги из личного хранилища Петра [ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 47. Л. 33]. В.Л. Комаров писал Сталину: «Исходя из этого, (а также с учетом ряда практических удобств, которые в данном

случае совпадают с принципиальными соображениями), я бы считал наиболее правильным назначить юбилейные торжества на май 1945 г.» [ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 47. Л. 32]. В связи с победой СССР в Великой Отечественной войне и накануне подписания Акта о капитуляции Германии первоначальные даты юбилейной сессии, намеченные на период с 25 мая по 7 июня 1945 г., Правительство своим постановлением № 1019 перенесло на 15–28 июня 1945 г. [ГАРФ. Оп. 47а. Д. 4559. Л. 102].

21 января 1945 г., вышло постановление СНК СССР о проведении празднования юбилея 220-летия АН СССР, причем В.Л. Комаров был назначен председателем созданного для организации этого празднования Всесоюзного комитета.

На протяжении зимы 1944/45 г. Комаров опять захворал. В начале марта он несколько оправился и энергично взялся за организацию празднования юбилея Академии. В апреле он отдыхал в Барвихе, а затем переехал к себе, на Николину гору. Заседания Всесоюзного юбилейного комитета, а их было немало, происходили у него на даче.

Юбилей Академии наук руководством СССР и научной общественностью рассматривался как большое политическое событие, демонстрирующее торжество науки победившей страны. Грандиозный масштаб задуманных торжеств хорошо вписывался в план Сталина показать всему миру мощь и размах народа-победителя.

Юбилейная сессия АН СССР проходила в Москве и Ленинграде с 15 июня по 3 июля 1945 г. В ее работе приняли участие делегации из 19 стран и 123 участника, в том числе нобелевские лауреаты Сент-Дьёрдьи (Венгрия), Жолио-Кюри (Франция), Ленгмюр (Америка) и Эдриан (Англия). В.Л. Комаров руководил первым приемом гостей, проходившим вечером 15 июня в стенах Нескучного дворца, т. е. здания Президиума АН СССР. На следующий день, днем 16 июня, в Большом театре Союза СССР началось торжественное празднование юбилея, а 17 июля заседание юбилейной сессии продолжилось в Колонном зале Дома Союзов. В последующие дни участники сессии посещали отделения Академии наук и их институты, слушали секционные доклады, знакомились с выставками... 24 июня все участники сессии приняли участие в Параде Победы на Красной площади. После Парада Победы гости переехали для продолжения юбилейных торжеств в Ленинград, где они смогли посетить не только академические институты, но и руины на месте художественных и архитектурных памятников мирового значения в Петродворце и Пушкино, и пустое место там, где

*Заседание юбилейного Всесоюзного комитета на даче В.Л. Комарова
(академики: И.П. Бардин, В.П. Волгин, Л.А. Орбели, В.Л. Комаров,
Н.Г. Бруевич, Н.Д. Зелинский, Н.В. Зубов), Николина гора, апрель 1945 г.
[АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 41]*

ранее высилась известная всему цивилизованному миру Пулковская обсерватория [Павлов, 1951].

29 июня все гости возвратились в Москву, где на следующий день в честь юбилейной сессии правительство СССР устроило прощальный прием в Кремле.

По мнению мирового научного сообщества Академия наук СССР в годы войны сыграла выдающуюся роль и проявила себя так, как ни одна Академия мира! Достаточно сказать, что Академия наук сумела перестроить свою работу на военный лад уже через 3 месяца после начала войны. В США такая перестройка растянулась на несколько лет, а в Великобритании до конца войны так и не удалось мобилизовать науку [Костюк, 2005].

Огромный вклад Академии наук СССР в Победу во многом предопределили проведенные под руководством В.Л. Комарова преобразования, которые состоялись в Академии именно на рубеже 1930–1940-х гг. [Богатов, 2005; Черешнев, 2010; 2014]. Это:

- значительное укрепление материально-технической базы Академии при целенаправленной государственной поддержке;
- создание аспирантуры, как эффективной формы подготовки научных кадров;
- децентрализация Академии и создание региональных научных центров;

*Торжественное заседание Юбилейной сессии,
состоявшееся в Большом театре Союза СССР 16 июня 1945 г.
[АРАН. Р. IX. On. 2. Д. 14 и On. 4. Д. 44]*

- организация новых крупных институтов, главным образом оборонного значения;
- переход на планирование научно-технических исследований;
- активное участие ученых в решении научно-технических проблем при высоком научном уровне фундаментальных и прикладных исследований в довоенные годы;
- переход на новые высокопроизводительные технологии непосредственно в заводских цехах (почти всех крупных металлургических, машиностроительных и химических предприятий)…

К началу Великой Отечественной войны промышленная база фашисткой Германии вместе с базой союзников превышала советскую

в 1,5–2 раза, а в 1942 г., в связи с захватом богатейших районов СССР, – в 3–4 раза. В результате предпринятых мер, имевших исключительно важное значение для исхода всего противостояния с невероятно мощным врагом, обладавшим огромным экономическим потенциалом почти всей Европы, только в период войны индустриальная мощь Урала возросла в 3,6 раза, Западной Сибири – 2,8 раза, а Поволжья – в 2,4 раза [Спицин, 2018].

В ходе войны было проведено не просто оснащение техникой нашей многомиллионной армии, но и её полное перевооружение!

Подобных результатов перестройки экономики история ещё не знала!

Сегодня общепризнано, что Великая Отечественная война была войной и интеллектов, и наши ученые ее выиграли! Советским ученым было чем гордиться. За годы Великой Отечественной войны ими было выполнено и внедрено более 600 крупных инновационных проектов, более 200 ученых стали лауреатами Сталинской премии разного уровня. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 июня 1945 г. 13 академикам были присвоены звания Героя Социалистического Труда (всего за годы войны это высокое звание получили 20 академиков – авт.), а 1465 сотрудников Академии наук СССР «за выдающиеся заслуги в развитии науки и техники в связи с 220-летием Академии наук СССР» были награждены орденами и медалями Советского Союза». В.Л. Комаров по этому указу был награжден третьим «Орденом Ленина».

В своей речи на торжественном заседании Юбилейной сессии Академии наук СССР В.Л. Комаров с особой гордостью говорил о работе Академии наук в военные годы: «*Как известно, одной из предпосылок победы было успешное развертывание советской промышленности на Востоке. В военно-промышленной базе Советского Союза особое место принадлежало Уралу. Урал – это богатейшая страна железа, цветных и легких металлов, топливных и химических ресурсов. Этот меридиональный хребет, тянувшийся параллельно фронту и удаленный от него на одну-две тысячи километров, образует как бы мощную линию экономических укреплений, линию богатейших месторождений, мощных рудников, заводов и электростанций, созданную в течение трех пятилеток.*

В начале Отечественной войны советская промышленность в значительной мере была перемещена на Урал. Для историков навсегда останется в высшей степени интересным и поучительным

Группа ученых, получивших правительственные награды в связи с 220-летием АН СССР. Москва, Кремль, лето 1945 г.

[АРАН. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 213. Л. 1]

успех этого невиданного переселения сотен заводов, десятков тысяч станков и миллионов рабочих. В этом великом деле наука сыграла существенную роль. Академия Наук СССР приняла самое широкое участие в деле мобилизации ресурсов страны. Академия Наук создала Комиссию по мобилизации ресурсов Урала и других восточных районов, которой я руководил в 1941–1943 годах. Эта Комиссия разработала

Выступление президента АН СССР В.Л. Комарова на Юбилейной сессии Академии наук СССР
[АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 44]

неотложные мероприятия по черной и цветной металлургии, энергетике, транспорту, производству строительных материалов и сельскому хозяйству.

За всю свою полувековую научную деятельность я не испытывал такого глубокого нравственного удовлетворения, как в работе по мобилизации неисчерпаемых ресурсов нашей великой страны на дело обороны. Никогда еще не было в среде ученых такого великого творческого порыва. Он охватил все области советской науки. Советские физики создавали теоретические и экспериментальные предпосылки для конструирования новых видов вооружения; математики разработали приемы наиболее быстрых вычислений для артиллерии, авиации и боевых судов; химики нашли новые методы производства взрывчатых веществ, сплавов, фармацевтических средств; биологи отыскали дополнительные ресурсы питания для Красной Армии и населения; медики спасли новыми методами военной медицины десятки тысяч дорогих жизней бойцов. Мы гордимся тем, что своей работой оказали посильную помощь нашим героическим Красной Армии и Военно-Морскому Флоту, разгромившим немецко-фашистских захватчиков» [Комаров, 1945 г. с. 8–9].

К сожалению, проведение Юбилейной сессии совпало у Комарова с очередным обострением его болезни. В этот период он часто не мог даже ходить без сторонней помощи. 14 июля 1945 г. Владимир Леонтьевич был вынужден написать заявление с просьбой освободить его от занимаемой должности президента по состоянию здоровья. Уже через 3 дня, 17 июля, состоялось чрезвычайное Общее собрание Академии СССР, посвященное обсуждению заявления В.Л. Комарова и выборам нового президента.

Участники собрания в своем постановлении выразили академику В.Л. Комарову горячую признательность за его многолетнюю плодотворную деятельность по руководству Академией наук и удовлетворили его просьбу. Новым президентом Академии наук по рекомендации Комарова был почти единогласно избран академик Сергей Иванович Вавилов.

После освобождения от должности президента за Комаровым, тем не менее, сохранилось несколько ответственных должностей: Владимир Леонтьевич оставался директором Института истории естествознания, председателем Монгольской комиссии и Тихоокеанского комитета, научным руководителем Главного ботанического

сада и заведующим отделом систематики и географии растений Ботанического института АН СССР. СНК СССР своим распоряжением от 23 июля 1945 г. закрепил за Комаровым получаемые им оклады, одну легковую машину, дачу и квартиру пожизненно, а также получаемое им продовольственное и промтоварное лимитное снабжение.

Как отметил Н.В. Павлов [1951], В.Л. Комаров после отставки поселился в своей даче на Николиной горе. Сравнительный покой, которым он теперь пользовался после многообразных и сложных обязанностей президента Академии наук, благоприятно отразился на состоянии здоровья Владимира Леонтьевича. К концу лета он значительно поправился и возвратился в Москву, в свою квартиру на Пятницкой. Ничто не предвещало катастрофы, и все-таки она наступила...

Владимир Леонтьевич Комаров ушел из жизни 5 декабря 1945 г. в Москве. По желанию Н.В. Комаровой Владимир Леонтьевич был похоронен на Новодевичьем кладбище. На траурном митинге новый президент АН СССР С.И. Вавилов отметил заслуги В.Л. Комарова следующим образом: «*Под руководством Владимира Леонтьевича Академия Наук преобразовалась. Были привлечены новые силы, поставлены новые задачи на всех важнейших, принципиальных участках науки. В тяжелые годы, грозные годы Великой отечественной войны эта преобразованная Академия Наук показала свою прочность, свою силу. В условиях эвакуации, ленинградской блокады, при многочисленных лишениях армия научных работников, собранная в Академии Наук под руководством Владимира Леонтьевича работала на пользу фронта, на пользу Родины и сделала немало. Сам Владимир Леонтьевич своей работой по изысканию производительных сил страны, по организации науки показывал пример в эти критические годы своим трудолюбием, спокойствием и выдержкой. За эту работу Владимир Леонтьевич получил высокое звание Героя Социалистического Труда. Оно им заслужено в полной мере»* [Вавилов, 1946, с. 17–18].

По оценке современников, Комаров оставил после себя Великую Академию. Еще при жизни Комарова при участии Академии в Советском Союзе разворачивался феноменальный по своим масштабам Атомный проект. Впереди было освоение космического пространства, полет Гагарина, изобретение лазера, освоение океанических глубин...

Владимир Леонтьевич Комаров всей своей деятельностью на ответственных постах в Академии наук показал себя выдающимся

2 июля 2025 года, в День 165-летия основания Владивостока,
рядом со зданием Президиума Дальневосточного отделения Академии наук
установлен закладной камень памятника академику В.Л. Комарову.
Фото В. Сердюк

организатором науки, мудрым политиком и стратегом самого высшего класса. Он умел договариваться с властью, вместе с властью он строил новую Академию. Уместно будет сказать, что он был един с советской властью.

Удивительная судьба и самоотверженность Комарова – ученого и гражданина – поражают и сегодня.

Это было тяжелейшее для страны время, это было время, в котором жил и трудился Владимир Леонтьевич Комаров. Это было его время...

ЭТАПЫ ЖИЗНИ В.Л. КОМАРОВА

- 1869–1882** – детство в семье штабс-капитана Генерального штаба Леонтия Виссарионовича Комарова и Елизаветы Михайловны Комаровой (урожденной Линденбаум), с 1871 г. – с отчимом Павлом Викентьевичем Кухарским.
- 1882–1890** – отрочество и юность в семье родного брата отца Виссариона Виссарионовича и Екатерины Григорьевны Комаровых; обучение в 6-й казенной гимназии Санкт-Петербурга; первые ботанические исследования в имении Ровное-Михайловское (Боровичский уезд Новгородской губернии), принадлежавшем деду по материнской линии Михаилу Карловичу Линденбаум (1886).
- 1890–1894** – обучение на физико-математическом факультете Санкт-Петербургского университета (1890–1894), вступление в действительные члены Императорского Русского географического общества (РГО) и Петербургского общества естествоиспытателей; экспедиции в районы бассейна р. Зеравшан (Таджикистан) и пустыни Кара-Кумы (Туркменистан) (1892–1893); увлечение марксизмом; публикации первых семи статей по итогам экспедиций (1893–1896).
- 1895–1897** – первые трехлетние экспедиционные исследования растительности Дальнего Востока, Маньчжурии и Кореи; знакомство с Обществом изучения Амурского края; получение первой награды РГО – Большой серебряной медали имени Н.М. Пржевальского; публикация статей «Некоторые данные по флоре западных уездов Новгородской губернии (1895), «Дополнение к списку растений западных уездов Новгородской губернии», «Материалы по флоре Туркестанского нагорья. Бассейн Зеравшана» (1896), «Ботанико-географические области бассейна Амура» (1897) и др.
- 1898–1899** – преподавание ботанических курсов и цикла практических занятий по анатомии и по систематике растений в Санкт-Петербургском университете, общего курса ботаники на частных женских курсах профессора П.Ф. Лесгафта (с 1899); обработка гербариев, собранных в экспедициях, для передачи в Санкт-Петербургский ботанический сад на Аптекарском острове, получение в Ботаническом саду места младшего консерватора (13.11.1899).
- 1900–1902** – работа в Санкт-Петербургском ботаническом саду, продолжение обработки гербариев, собранных в трехлетних экспедициях 1895–1897 гг., подготовка первого тома фундаментального научного сочинения «Флора Маньчжурии» (1901) и его защита в 1902 г. в качестве магистерской диссертации; преподавание ботанических курсов в Санкт-Петербургском университете и общего курса ботаники

на частных женских курсах П.Ф. Лесгафта, присвоение звания приват-доцента Санкт-Петербургского университета (1902); экспедиция в Восточную Сибирь и Монголию (1902); публикация статей «Хвойные деревья Маньчжурии» (1901), «Вид и его подразделения» (1902) и др.

1903–1905 – работа в Санкт-Петербургском ботаническом саду, продолжение обработки гербариев, собранных в трехлетних экспедициях 1895–1897 гг. и экспедиции в Восточную Сибирь и Монголию; подготовка второго и третьего тома «Флора Маньчжурии», издание второго тома в 1903–1904 гг.; издание части первой третьего тома (1905); издание учебника «Практический курс ботаники. Часть 1. Строение растений» (1905); изучение и обработка коллекций китайских и монгольских растений из общих азиатских коллекций Санкт-Петербургского ботанического сада; пожалование ордена Святого Станислава 3-й степени (1903); участие в подпольной деятельности большевиков (1905).

1906–1907 – работа в Санкт-Петербургском ботаническом саду, экспедиции на Онежское, Чудское и др. озера, подготовка пяти монографий о родах растений Китая и Монголии (1905–1907), издание части второй третьего тома «Флора Маньчжурии» (1907); работа в гербариях Лондона и Парижа (1906); раскладка коллекций Ботанического сада по международному справочнику К.В. Далла-Торре и Г. Гармса; начало преподавания курса ботанической географии на Высших женских естественнонаучных курсах баронессы М.А. Лохвицкой-Скалон и общей ботаники на краткосрочных педагогических курсах Фребелевского общества; чтение ботанических курсов в Санкт-Петербургском университете и на частных женских курсах П.Ф. Лесгафта; пожалование ордена Святой Анны 3-й степени (1906).

1908–1909 – работа в Санкт-Петербургском ботаническом саду, участие в двух экспедициях РГО на Камчатку (1908, 1909); преподавательская деятельность на Высших женских курсах М.А. Лохвицкой-Скалон, в Санкт-Петербургском университете и на женских курсах П.Ф. Лесгафта; издание труда «Введение к флорам Китая и Монголии», выпуск 1 (1908) и «Введение к флорам Китая и Монголии», выпуск 2 (1909); премия Академии наук имени Карла Бэра (1909).

1910–1912 – работа в Санкт-Петербургском ботаническом саду в должности старшего консерватора, защита докторской диссертации «Введение к флорам Китая и Монголии» в Московском университете (1911); преподавательская деятельность на Высших женских курсах М.А. Лохвицкой-Скалон, в Санкт-Петербургском университете и на женских курсах П.Ф. Лесгафта; пожалование ордена Святого

Станислава 2-й степени (1910); подготовка научного труда «Путешествие по Камчатке в 1908–1909 годах» (1912).

1913–1914 – экспедиция в Южно-Уссурийский край (1913); работа в Санкт-Петербургском ботаническом саду в должности старшего консерватора, организация сбора диких лекарственных растений и их окультуриванию для нужд военных госпиталей Первой мировой войны (1914); преподавательская деятельность на Высших женских курсах М.А. Лохвицкой-Скалон, в Санкт-Петербургском университете и на женских курсах П.Ф. Лесгафта; избрание членом-корреспондентом Физико-математического отделения Императорской академии наук и профессором кафедры ботаники Юрьевского (Дерптского) университета (1914); пожалование ордена Святой Анны 2-й степени и светло-бронзовой медали в память 300-летия Дома Романовых для ношения на груди (1913), получение права на ношение особого нагрудного знака в память 200-летия Императорского Ботанического Сада, производство в Статские Советники (1914).

1915–1918 – издание справочника «Сбор, сушка и разведение лекарственных растений в России» (1915); преподавательская деятельность на Высших женских курсах М.А. Лохвицкой-Скалон, в Санкт-Петербургском университете и на женских курсах П.Ф. Лесгафта; пожалование ордена Святого Владимира 4-й степени (1916), публикация научного труда «Типы растительности Южно-Уссурийского края» (1917); избрание ученым секретарем Русского географического общества (1918); избрание профессором Петроградского университета и организация кафедры ботаники на ботаническом факультете (1918), избрание помощником директора по научной части и заведующим отделом живых растений Санкт-Петербургского ботанического сада (с 1918).

1919–1925 – преподавательская деятельность в 3-м Государственном педагогическом институте (с 1919 г.), преобразование кафедры ботаники Петроградского университета в кафедру морфологии и экологии растений (1920); избрание действительным членом Российской академии наук (1920); издание книги «Малый определитель растений Дальнего Востока» (1925).

1926–1929 – поездка на III Тихоокеанский конгресс (1926); работа в Санкт-Петербургском ботаническом саду, избрание председателем Тихоокеанского комитета и председателем комиссии АН СССР по изучению Якутской АССР (1927); издание труда «Флора полуострова Камчатки» (1927); публикация сборника «Библиография к флоре и описанию растительности Дальнего Востока» (1928); избрание на должность академика-секретаря Отделения физико-математических наук (1929).

и замещение должности непременного секретаря Академии наук СССР (1929); избрание в состав правительственной комиссии во главе с Ю.П. Фигатнером.

1930–1932 – избрание на должность вице-президента Академии наук СССР (1930), директор Ботанического и Лесного музеев (1930), президент Всесоюзного ботанического общества (с 1930), публикация книг «Происхождение культурных растений» (1931), «Новые виды растений Дальнего Востока» (1932) и др.; председатель Комиссии по организации баз АН СССР на местах (с 1931), председатель Дальневосточного филиала АН СССР (с 1932) и др.; учреждение Горно-таежной станции АН СССР (11.07.1931), открытие Дальневосточного филиала АН СССР (1932).

1933–1934 – руководитель Дальневосточной комплексной экспедицией (1933); переизбрание председателем Дальневосточного филиала АН СССР (1934), начало перевода Академии наук СССР из Петербурга в Москву (1934); публикация статей «Тополя СССР» (1934), «Ботанико-географический очерк хвойных деревьев» (1934), «Растительные зоны Таджикистана» (1934) и др., издание научного труда «Флора СССР» (с 1934).

1935–1936 – организация Камчатской комплексной экспедиции (1935); избрание в Национальное географическое общество США (1935); избрание председателем Комиссии по заведованию филиалами и базами АН СССР (1935), членом ВЦИК (с 1935 г.), делегатом VII (1935) и Чрезвычайного VIII (1936) Всесоюзных съездов Советов (1936); издание учебника «Практический курс анатомии растений» (1936); член редакционной комиссии Сталинской конституции (1936); переезд в Москву (1936); избрание президентом Академии наук СССР (28–29.12.1936).

1937–1939 – массовые политические репрессии ученых (1937–1938); усиление партийного контроля работы Академии (1937–1938); принятие Третьего пятилетнего плана на 1938–1942 гг. и его реализация; депутат Верховного Совета СССР (с 1938); обострение хронического псориаза, инсульт с кровоизлиянием в правое полушарие головного мозга и левосторонним параличом (5.08.1939); награждение Орденом Ленина (11.10.1939); празднование 14 октября 1939 года 70-летия со дня рождения Комарова и 45-летия научной деятельности.

1940–1942 – издание учебника «Учение о виде у растений: страница из истории биологии» (1940); почётный президент Географического общества СССР (с 1940); присуждение Сталинской премии 1-й степени за труд «Учение о виде у растений» (1941); перестройка работы Академии наук на военный лад (июнь–сентябрь 1941); эвакуация

в Свердловск и организация на базе Уральской комплексной экспедиции Комиссии по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны (август 1941); преобразование Комиссии по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны в Комиссию по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны (апрель 1942); Сталинская премия первой степени в составе коллектива за работу «О развитии народного хозяйства Урала в условиях войны» (1942); переизбрание на должность президента Академии наук СССР (май 1942); поездка в Алма-Ату с целью включения народнохозяйственных и сырьевых объектов Казахстана в сферу деятельности своей Комиссии (май 1942), возвращение из эвакуации в Москву (декабрь 1942).

1943–1944 – празднование 300-летия со дня рождения И. Ньютона (январь 1943), создание Западно-Сибирского филиала АН СССР (октябрь 1943), подготовка реэвакуации академических научных учреждений (март 1943), завершение реэвакуации московских учреждений АН СССР (январь 1944); празднование 75-летия со дня рождения и 50-летия научной деятельности, присвоение звания Героя Социалистического Труда с вручением Ордена Ленина (13.10.1944); рабочая встреча с И.В. Сталиным (13.11.1945); директор Института истории естествознания и техники (с 22 ноября 1944)

1945 – организация реэвакуации ленинградских академических учреждений (январь–апрель 1945); руководство созданием Московского Ботанического сада (1945); проведение празднования 220-летнего юбилея АН СССР (15–28.06.1945); награждение третьим Орденом Ленина (10.06.1945); создание Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик; освобождение от обязанностей президента АН СССР по состоянию здоровья (17.07.1945); открытие Детского Дома имени академика В.Л. Комарова (18.11.1945).

5 декабря 1945 года Владимира Леонтьевича Комарова не стало.

Основные экспедиции Владимира Леонтьевича Комарова

1886 – Новгородская губерния, Боровичский уезд

1891 – Новгородская губерния, Старорусский уезд

1892–1893 – Средняя Азия (Таджикистан и Туркменистан): бассейн реки Зеравшан, Гиссарский и Туркестанский хребты, пустыня Южные Каракумы

1895–1897 – Дальний Восток, Манчжурия и Корея (Амурская область, южная часть Приморья, Манчжурия: Гиринская и Мукденская провинции, Северная Корея: реки Тумын-ган, Ялу)

1902 – Восточные Саяны (Тункинский край, хребет Хамар-Дабан, гора Мунку-Сардык), северная Монголия (озеро Косогол)

-
- 1906 – Западная Европа: Англия (ботанический сад в Кью, близ ондона),
Франция (Музей естественной истории в Париже; Гербарий Междуна-
родной академии ботанической географии в Ле-Мансе)
- 1907 – Озёра и реки Карелии и Петербургской губернии (реки Мста,
Ловать, озёра Онежское, Чудское и другие), Новгородская и Псков-
ская губернии
- 1908–1909 – полуостров Камчатка
- 1913 – Южно-Уссурийский край (котловина озера Ханка, бассейны рек
Суйфуна и Сучана)
- 1915 – Новгородская губерния
- 1917 – Архангельская и Олонецкая губернии, берега Белого моря, устье
реки Выг
- 1923 – Боровичский уезд Новгородской губернии
- 1926 – Япония, Сеул, Харбин, Владивосток, Никольск-Уссурийский,
Хабаровск
- 1926–1927 – Геленджик
- 1930 – Дальний Восток (район Владивостока, река Супутинка, окрест-
ности Хабаровска)
- 1932 – Дальний Восток (район Владивостока: Сидеми, мыс Гамова; Хаба-
ровск)
- 1933 – Дальний Восток (Владивосток: Сидеми, остров Русский,
Раздольное, Супутинка, Хабаровск, река Зея)
- 1935 – Дальний Восток (Владивосток: Кедровая падь, Сидеми, мыс
Гамова, Супутинский заповедник, Раздольное, Хабаровск, берега
и острова Амура)
- 1934, 1936, 1937 – Франция
- 1938, 1939 – Кавказ (Тебердинский заповедник)
- 1943 – Киргизия
- 1944 – Азербайджан, Армения, Грузия

СОДЕРЖАНИЕ

Детство и юность. Выбор жизненного пути	5
Расцвет творчества	20
Создание Дальневосточного филиала АН СССР (1932–1939 гг.)	27
В.Л. Комаров и Академия наук СССР в 1941–1944 гг.	46
Это было его время	65
Этапы жизни В.Л. Комарова	76

Научное издание

Виктор Всееволодович Богатов

Владимир Леонтьевич Комаров.
Ученый и президент

Компьютерная верстка *С.В. Филатов*

Подписано в печать 03.07.2025 г.

Формат 60x90/16. Усл. п. л. 5,1. Уч.-изд. л. 4,5.

Тираж 100 экз. Заказ 18513.

Издательство ООО «Дальнаука»
690106, г. Владивосток, пр. Красного Знамени, 10, каб. 20.
Тел. +7 9242630160. E-mail: naukadv2000@mail.ru
<http://www.dalnauka.ru>

Отпечатано в ООО «Типография ПСП95»
г. Владивосток, ул. Русская, 65, корпус 10